

Мальшика
ДЛЯ ЗВЕРЯ
Д А Н А С Т А Р

Дана Стар

Малышка для зверя

«Дана Стар»

2020

Стар Д.

Малышка для зверя / Д. Стар — «Дана Стар», 2020

Мой отец умер. Мой муж меня предал. Избил, ограбил и оставил ни с чем с больным ребёнком на руках. Всё, что у меня есть – куча долгов и сиротский приют, построенный на деньги отца. Но беда не приходит одна. Вскоре, появились они... Два бандита. Отец и сын. Им нужна моя земля. Они хотят забрать у меня последнее – мой смысл жизни, моих малышей. Ради них я готова на всё. Ради них я иду на жертву, отдавая себя. Отныне я – чужая, безвольная собственность. Красивая игрушка двух опасных мужчин. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	24
Глава 6	32
Глава 7	35
Глава 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Дана Стар

Малышка для зверя

Глава 1

Настя

Уже больше часа я сидела на своём рабочем месте и до болезненного напряжения в глазах смотрела на неутешительные цифры, касательно нашего оставшегося бюджета до конца года. Карандаш сгрызен до самого основания, а губы искусаны в кровь. Нервничаю как обычно. Устала. В сон клонит. Ещё и голова от всех этих безнадёжных расчетов разболелась. Как обычно, надо что-то мудрить, изобретать, фантазировать, чтобы выкрутиться из нынешнего печального положения. Выделенных государством денег осталось всего на пару месяцев. А нам ещё полгода жить на что-то нужно.

Я выдохнула и закрыла глаза. Ладонками по лбу постучала от бессилия. Через несколько минут начала засыпать. Как вдруг... Услышав громкий хлопок, я резко подпрыгнула на месте. Трактор, похоже. Или перфоратор очередной. Как же достало!

Я встала из-за стола и направилась к окну. На улице сегодня было довольно-таки пасмурно, ветрено, немного даже прохладно. Прежде, чем я успела закрыть окно, в комнату ворвался едкий сгусток пыли с примесью грязи и выхлопных газов. Задыхаясь от кашля, я быстро захлопнула форточку, мысленно проклиная самыми отборными матами виновников всего этого дикого безобразия! Ладонкой смахнув пыль с треснутого стекла, я попыталась рассмотреть то, что сейчас творилось у наших новых соседей. Сердце ухнуло куда-то в желудок, а легкие превратились в камень. В метре от территории детского дома полным ходом шла сумасшедшая стройка. Огромные строительные машины своими выхлопными газами буквально на моих глазах уничтожали всю окружающую растительность. И не только газами! Некоторые деревья уже были повалены. Даже старенькую лавочку не пощадили, ироды проклятые!

Сегодня же буду разбираться. Хватит! Достало! В администрацию поеду! Детям уже гулять негде. Задыхаются, кашляют, плачут, потому что боятся всего этого чертового ужаса! Ванечка уже третий день на улицу не выходит, в кладовке прячется, ушки ладошками закрывает и плачет. Так горько, что никто успокоить не может.

Да и где малышам гулять? По сути, больше негде... Сад изуродован. Цветы завяли, а на деревьях километровый слой пыли!

Вдох, выдох...

Вдох, выдох...

Пытаюсь успокоиться. Глаза увлажнились горькими слезами.

Эти твари совсем обнаглели. Сегодня уже чересчур близко подобрались к нашему дому. Огромный забор, обтянутый колючей проволокой у верхних границ, который они строили в первую очередь, уверенно двигался в нашу сторону. Я буквально задыхалась от бессилия, понимая, что нам со дня на день предстоит вынести. В деревне остались только мы – обездоленные сироты. Прежние дома снесли. Соседи, получив свои копейки, разъехались. А мы... наш дом бездушные изверги оставили на десерт, так как приют находился на самой окраине села, в шаге от соснового бора.

Неожиданно, в дверь постучали. Смахнув слезы с бледных щёк, я выдавила улыбку через силу. Не хотелось, чтобы дети расстраивались, глядя на меня. Если честно, сегодня из меня получилась плохая актриса.

– Анастасия Николаевна, к вам можно? – в дверном проёме показалась Светлана, наша нянечка.

– Свет, ну сколько можно? Настя... просто Настя. Мне всего-то двадцать три, а ты уже меня будто в старые девы записала.

– Заведующая, как-никак. Не привыкну всё, – Светлана мило улыбнулась и подошла к окну. – Ну что там? Какая-то вы... то есть ты взвинченная сегодня, случилось чего?

– Что-то беспокойно на душе, – я честно призналась, положив ладонь на грудь, с ненавистью глядя на то, как мерзавцы в грязно-оранжевых комбинезонах топчутся по нашим насаждениям.

– Это из-за строительства?

– Наверно, – утвердительно кивнула. – Нет, ну ты посмотри, насколько близко уже подрыли! В шаге от нашего палисадника.

– Ох, да, – нянечка тяжело выдохнула. – А ещё эта пыль проклятая, шум бульдозеров, тракторов, перфораторов... Слушай, а ты выяснила, кто хозяин всего этого ада окаянного?

– Да. Некий Константин Зверев.

– Ого! Ну и фамилия. Прямо как у гангстера какого. Сама за себя говорит. Ну точно зверь! Выкупить все к чертовой матери и сельчан разогнать. Бандюган самый настоящий. Зачем ему только эта местность понадобилась? До цивилизации тут так далеко, как нам с вами до полноценного ремонта.

– Чёрт его знает, Света. У богатых свои тараканы.

Внезапно, наш увлекательный диалог прервался новым рокотом. На этот раз уже не бульдозерным, а автомобильным. Треснутые стёкла пыльных окон моментально задрожали, не спасая ни от грязи, ни от шума мощного двигателя. Совершив опасный манёвр, у нашего домика припарковался огромный внедорожник чёрного цвета.

– Батюшки? А это ещё кто? – нянечка хлопнула в ладони.

– Даже и не знаю, – я же буквально лбом к стеклу приклеилась, пытаюсь рассмотреть высокую фигуру, явно мужскую, облачённую во всё чёрное, вальяжно выползающую из самого настоящего танка на колёсах.

– Ой! Точно к нам пожаловал. Может, депутат? Мы ведь уже с полгода как ждем какого-нибудь влиятельного чиновника для оказания поддержки нашему обездоленному приюту, – с надеждой выдала женщина. – Я тогда побегу... Чай, что ли, поставлю. Удачи, Настенька! Надеюсь, дела наши наладятся.

– Х-хорошо, – судорожно сглотнула. Вот и паника подступила к горлу. – Ступай. А гостю скажи, чтобы не топтался у входа и проходил в кабинет.

Растянувшись в довольной улыбке, нянечка побежала на кухню. Я нервно пригладила выбившиеся из причёски локоны, расправила складки на юбке и пуговицы в районе декольте застегнула до самого подбородка, не отрывая взгляда от незнакомца, который уверенной походкой двигался в сторону главного входа.

* * *

Так! Лучше встать... Хотя нет! За стол лучше сесть! Точно.

В панике я металась из одного угла в другой, пока не ударилась о ножку кресла мизинцем.

– Чёрт! Больно-то как! – скрипя зубами от боли, словно цапля, я запрыгала на одной ноге, не зная, как именно встретить столь важного гостя.

Всё-таки села за стол. Надела очки. Нахмурилась. Я должна быть спокойной и серьезной! Я думала, что в дверь постучат. Но не тут-то было. Мои предположения разрушил громкий хлопок. Похоже, гость не отличался хорошими манерами. Он толкнул дверь не рукой, а ногой. На пороге появился он – высокий, широкоплечий, зеленоглазый брюнет крепкого телосложе-

ния. Одет во всё чёрное. На шее – золотая цепочка, а на запястье – золотой «Ролекс». Взгляд властный, холодный, пробирающий до самых мурашек, как у дикого зверя. Но в то же время есть в нём что-то такое притягивающее и очаровывающее.

Куртка импортная, дорогая, наброшенная поверх майки. Молния расстёгнута. Кажется, я вижу кусочек татуировки, заканчивающийся у основания шеи. Парень молод и ужасно красив. От него так и прёт безграничной, неудержимой энергией. Он – уверенный в себе лидер. Никакой это не депутат. Явно. Бандюган, скорей всего. Или вышибала. Мне хватило чуть больше трёх секунд, чтобы оценить его внешность и выдвинуть свой диагноз: с виду человек, но на деле – кошмар ходячий. Явившийся из моих самых что ни на есть страшных снов.

* * *

– Вы Анастасия Малышкина? – прохладным баритоном спросило ОНО. Это невероятной красоты создание, представшее передо мной в образе опасного мужчины, в возрасте около двадцати семи лет.

– Да, это я. А вы кто? – я ответила вопросом на вопрос, наигранно спокойным тоном, стараясь не закричать и тем более не упасть в обморок от страха.

– Я – Алексей Зверев, сын Константина Зверева. И я к вам по очень важному делу.

– Что ж, присаживайтесь, – любезно указала на стул напротив своего рабочего места. Этот Алексей, гордо вздернув подбородок, расправив широкие плечи, обтянутые чёрной кожанкой, деловой походкой устремился к свободному стулу. Плюхнулся. И, не стесняясь, крест-накрест ноги на соседнюю тумбу забросил. На ту самую, на которой стоял чайный сервиз.

Нет, ну вы только посмотрите! Вот ведь грубиян неотесанный!

– Я бы вас попросила... – откашлялась, собираясь сделать замечание, но меня грубо перебили.

– В общем, перейдём сразу к делу. Человек я занятой, поэтому буду говорить чётко кратко, по-чесноку, – холодный голос с примесью стали заполонил весь мой крохотный кабинет, так что стёкла задрожали, когда этот хамоватый бандюган соизволил разинуть свой наглый рот. – Как вы уже, наверно, догадались, речь пойдёт о вашем заведении.

– Не заведении, а детском доме! – поправила я, мигом ощутив, как все мои внутренние органы закипели от гнева.

Разговор будет напряженный. Внутренний голос подсказывал мне, что нам, увы, вряд ли получится договориться.

– Ну окей. Как скажете, – незнакомец вальяжно закатил глаза, после чего я увидела, как в его крепких руках появилась сигарета.

Он что, курить вздумал? Прямо здесь? В приюте для малышей?

Я скривилась от отвращения, когда Алексей всё-таки закурил, деловито выдувая тучи серого дыма прямо в мою сторону.

Мерзавец, надменный. Чтоб ты закашлялся!

– Ах да! Вот, – он выпустил очередное вонючее колечко гари в воздух и в карман руку засунул, а когда высунул – швырнул мне на стол какой-то конверт.

– Что это? – мои глаза округлились от небывалого удивления.

– В смысле? – дурачка включил. – Деньги. За землю. Или за приют. Как вам больше нравится.

Сделав несколько глотательных движений, я ощутила, как во рту всё пересохло. Голова закружилась. Дыхание сбилось. С минуту просто смотрела. То на него, то на деньги. Переводила взгляд. Потом опять на него и на деньги, не в силах выразить истинные чувства словами.

Лишь кулаками. Но что может хрупкая мошка, угодившая в лапы огромного медведя? Он ведь в разы превосходит меня силой. Пикнуть не успею – пристрелит к чёртовой матери!

– Ну? – докурил, а окурок о мои расчетные данные затушил. – Чего молчим, Малышка? Не допёрло до сих пор? Я говорю, покупаю твою халупу. Бери деньги и выметайся. Пока дают. Причём пока по-хорошему дают.

– И сколько тут? – руки трясутся, ноги тоже, в глазах кипятик стынет, но я сдерживаюсь... из последних сил. Чтобы не сорваться и не наделать глупостей. Хочется выцарапать ему глаза.

– Миллион. Хватит на две такие избушки. И ещё даже на шубку Госпоже останется, – он ехидно оскалился, от и до похотливым взглядом просканировал мой внешний вид.

– СВИНЬЯ! – рука сама дёрнулась к его безупречному лицу, но мужчина поразительно ловко успел среагировать.

Схватил. Больно сжал. Сустав на запястье хрустнул. Адреналин ударил в голову, а в области его железной хватки тотчас же запекло.

– Соглашайтесь, Анастасия. По-хорошему пока. Нашей семье очень нужна эта земля. Больше, увы, мы дать не можем.

– Вы что, мне угрожаете? – я попыталась освободиться. Но тщетно. В ответ на очередной вопрос он лишь сильнее сдвинул мою руку.

Не моргая. Не дыша. Взглядом дикого волка прожигая дотла, бандит ответил:

– Что вы. Просто предупреждаю... Пока. Соглашайтесь, или все ваши документы о приватизации в один момент таинственным образом исчезнут, а в вашей сумочке, к примеру, представители правоохранительных органов обнаружат высококачественный кокаин.

– ПОШЁЛ ВОН! – я закричала так громко, что почувствовала, как в глазах лопнули сосуды. С силой дернула руку назад, освободилась.

– Ну и дура, – он зашипел, пальцами пригладил шелковистые, идеально ухоженные волосы на макушке.

– Я СКАЗАЛА, УБИРАЙСЯ! – я снова закричала, задыхаясь от мочи свойственного крика, обеими руками схватилась за стол. Для пушного эффекта ещё и конвертом в него запустила, окончательно теряя инстинкт самосохранения. Мужчина брезгливо подобрал взятку с пола, деловито подул на упаковку, засунул подачку во внутренний карман куртки. Круто развернувшись на носках, направился к выходу, вырыкнув на прощанье:

– Неделю. Даю вам неделю.

После чего с небывалой злостью дверью хлопнул. Так безжалостно, что штукатурка на пол посыпалась. Я закрыла глаза, застонала, обмякла в кресле. Вот теперь можно дать волю слезам. Такого унижения я ещё ни разу в своей жизни не испытывала. Он точно нелюдь. У него, как и у его папаша, нет ни сердца, ни души, ни совести, а в жилах – пенится настоящий яд.

Глава 2

Алекс

Уже около получаса я тупо просиживал булки у бати в кабинете, с нетерпением ожидая визита самого главного беса всевышнего. Благо хоть интернет в этом Мухосранске ловил, не давая помереть от безделья. Глянул новые фоточки бывших телок в инсте. Лайкнул. Надеюсь, хоть одна из них даст сегодня. А если нет – сам возьму. Ах-ха! Потом зачем-то порнуху врубил. Думал, успею в тубзик сгонять, но нет же, мой самый страшный кошмар таки соизволил вернуться, обломив весь кайф в столь неподходящий момент.

– Ну что, оболтус, развлекаешься всё? – хохотнул старый хрен.

– Не-а, тебя жду, вообще-то.

– Похвально, сын. Похвально! – он по привычке сыпнул своим «селёдкам» корм в аквариум и в сторону рабочего места двинулся, а по дороге коньяк захватил. Налил в стакан, одним залпом выдул. – Дело у меня к тебе имеется. Важное. Справишься?

А у меня что, выбор есть?

– А то, – не думая ляпнул, глядя на то, как пираньи жадно набросились на какой-то бесформенный кусок мяса, с виду напоминающий человеческий палец.

Меня затошнило. Походу, кто-то из рабочих снова накосячил.

– Посёлок уже наш. Почти. Остался только один домишка. Хозяйка там, поговаривают, та ещё стерва сварливая. Проблемки могут возникнуть. Попробуешь уломать?

– Сколько предложить?

– Миллион. Это максимум. Ни рубля больше. Денег у нас сейчас не так много, чтобы направо и налево разбрасываться. Хватит ей. А если носом воротить вздумает – припугни. Знаешь как. Не впервой дела решаешь. Тем более с бабой. Вот только в этот раз постарайся уж без замашек своих кобелиных. Смекалку прояви. Хватит уже. И так вокруг себя гарем развёл, средств на них не напасешься. Только и хорони в лесу, когда очередная шлюха вены себе по твоей милости вскрыет или под поезд сиганёт.

– Да ладно тебе! Понял я. Не тупой.

– Вали тогда, – по столу кулаком треснул.

Не любит, когда нервируют...

– Что, прямо сейчас?

– Нет, бля, через год! Сейчас конечно! – съязвил старый пень. – Жду через час со всеми необходимыми бумажками. И с автографом Малышкиной. Да смотри... не облажайся.

* * *

Чёртов всевышний! Я что, раб его персональный?

Понимаю, что с интерната меня забрал ещё когда совсем мелким был. Приютил и как сына родного воспитал. Но всё равно бесит, что будто с собакой обращается. Временами бывает, конечно, в настроении застану. Тогда же я на все сто ощущаю, как сильно люблю, уважаю и души в этом старом осле не чаю.

Ладно! Закрою дельце. Пусть радуется да проект свой скорее достраивает.

Сел в тачку, педаль газа до упора в пол втопил. Быстрее дело сделаю – быстрее в клуб смоюсь. Сегодня я решил особо не выпендриваться: чёрная кожанка, брюки и футболка с V-образным вырезом. За поясом – ствол, в кармане конверт с баблом и запечатанная пачка «Винстон». Можно смело ехать на дело.

Врубаю музон, сигарету в зубы и лихачу так, что аж пыль вихрем стелется. Десять минут, и я возле объекта. Паркуюсь. Места для моего сарая так же мало, как терпения у моего бати в последнее время. Пришлось какое-то гнилое корыто подрезать.

Жигулька. Дряхлая такая. Думал, эти железки уже давно как сгнили. Но нет, какие-то камикадзе до сих пор испытывают на прочность этот ржавый хлам.

Заглушил двигатель. Осмотрелся. Ну и днище... Думаю, отец погорячится, предложив лимон за эту рухлядь убогую. Но дело его! Я бы и сотни не дал.

Я вышел из тачки, едва не оглох! Грёбанные штукатурщики. Уже совсем близко к дому подобрался, только и ждут зелёного света от главного. А как загорится – всё, кранты.

Бабах! И нет больше избушки.

* * *

Старенькая калитка «приветливо» скрипнула, позволяя мне войти внутрь. Не заперта. В принципе, не удивительно. Да тут и воровать-то нечего.

Вошёл внутрь. Осмотрелся. Миленько. Сад ухоженный, аккуратный. Много фруктовых деревьев, и даже огородик имеется. Но самое интересное, что по всему периметру участка разбросано детское барахлишко. Родной приют вспомнился... Хоть батя и говорит, что в пять лет меня оттуда забрал, всё равно воспоминания отчётливо сохранились. Будто это было только вчера.

Пока я тут в прошлом копался, не заметил, как наступил на что-то. Дернулся и мгновенно схватился за ствол, услышав нечто, похожее на утиное «кря». Но когда я понял, что всего-навсего наступил на игрушку – мысленно расхохотался. Опять детство вспомнилось. Такая же была утка. И у меня. Ещё когда в детдоме жил.

Я торопливо поднялся по облезлым ступенькам вверх, на крыльцо. Мне навстречу выскочила незнакомая барышня. Полная такая, улыбочивая, в застиранном платье в горошек и бело-снежным передником. Нянечку мою из убогого прошлого напонила.

– Вы к заведующей? – ласково спросила.

– Ну да, наверно, – пожал плечами.

– Проходите в кабинет, пожалуйста. Я проведу, – она открыла дверь нараспашку, жестом пригласила внутрь.

Что ещё за заведующая? Может, тут секта какая? Я ведь так и не поинтересовался у бати, кто именно проживает в данном коровнике. Да мне как-то похер, если честно. Моё дело хлеб свой отработывать, а всё остальное не ебёт.

В общем, я на секунду задержался возле той двери, на которую мне указала пампушка. Закрыв глаза, настроился на включение образа «плохого парня». Тут нужно грубо действовать. Припугнуть, если что. С ноги дверь выбил, чтобы хозяйка притона уяснила, с кем имеет дело и заранее готовилась к непростому разговору, раз она вся такая из себя будет. Батя ведь предупредил, что на понтах баба.

Кулаки сжаты, в глазах огонь, а вены уже как у наркомана от напряжения вздулись. Однако, то, что я увидел... никак не совпало с моими фантазиями. Первым делом я подумал, что ошибся комнатой, поэтому решил даже уточнить, как именно зовут сие создание с внешностью ангела?

Такая молодая и такая красивая, что реально чокнуться можно только при одном взгляде на эти необычные глаза цвета бирюзового океана. А волосы, губы, фигурка... вообще отдельная тема.

Волосы девушки по цвету напоминали кофе. Они были собраны в строгий пучок на затылке. Но я был уверен, что если выдернуть из этого пучка пару шпилек, то они густой копной рассыплются до самой талии. Меня возбуждают бабы с длинными волосами. Не только

потому, что я люблю наматывать их волосы на кулак и жёстко трахать, но и потому, что эта деталь внешности делает девушек более женственными. Соответственно, привлекательными. Соответственно член стоит колом двадцать четыре часа в сутки.

Судя по всему, на вид ей около двадцати с копейками. Совсем ещё соплюшка. Но чёрт! Какая же красивая, просто глаз не оторвать! Впервые вижу такую куклу. Реально кукла! Глаза – огромные, ресницы – длинные, бровки – изящные, губки – бантиком, сочные, как клубника, так и напрашиваются на жадные поцелуи. Самое удивительное, что на лице девушки нет ни грамма косметики. Именно поэтому Анастасия совсем уже кажется девочкой. И это её изюминка.

Чёрт подери, да у меня реально встал! Пять секунд и мой член превратился в твёрдый камень, до боли врезался в ширинку.

Ну и дела! С одной стороны, девочка была очень милой и чертовски красивой, но с другой – явно не мой типаж. Худая как палка, с синяками под глазами. Лицо – блее сметаны, а тело – еле-еле на ногах держится. Того гляди, если на улицу выйдет, ветерок дунет, и улетит безвестным одуванчиком к небесам.

Но больше всего я, будто одержимый, ненасытным взглядом прилепился к её объёмному бюсту, стянутому под тонкой тканью тесной блузки, застегнутой до самого подбородка. Как монашка, ей-богу. Ну кто так блузки в наше время носит? Пошлее надо быть! Пошлее! Грудь нараспашку и сиськи в затяжку! Тогда точно голода не видать. Она ведь явно голодает... Ну или на диете сидит. Хотя диетой тут и не пахнет, исходя из общего впечатления о месте проживания. Мебель времен Сталина, термиты до дыр прожрали. Облезлые обои, побелка на потолке давно как пожелтела и покрылась трещинами. Никаких ценностей. Взять и нечего. Под залог. Да мои часы дороже всего этого хлама вместе взятого стоят.

При мысли о груди, главный орган в штанах налился кровью, удвоился в размере и болезненно запульсировал, норовя выстрелить драгоценной жидкостью прямо в трусы. Так! Надо быстрее брать автограф и валить к хренам, пока не трахнул её на этом раздолбанном столе времён советского союза, нарушив обещание бати. Хотя, если честно, как-то не особо трахать хотелось... Быть может, я умом тронулся? А быть может, повзрослел, раз впервые в жизни искренне захотелось не трахнуть очередную давалку, а приласкать... Девчонка вызвала в моём сердце толику жалости. Из-за своего измученного внешнего вида.

Хотя, возможно, это всего лишь обман. Маскировка. Бабы ведь народ хитрый. Не зря говорят, в тихом омуте да черти... чтоб их! Хоть я и безумно хотел отступить от плана и поговорить с дамочкой по душам, но не смог разрушить имидж плохого парня, наработанный годами. Решил дать понять этой Малышкиной-Малышке, кто тут босс, а кто навоз. Она ещё и звука даже не выпустила, а уже смотрела на меня так вальяжно, словно на таракана, прилипшего к каблук своим дешёвым шпилек с колхозного рынка.

Цыплёнок возомнил себя гордым лебедем. Ха! В кармане ни гроша, зато гордости у нас до хрена. Ну ничего... папочка сейчас мигом на место поставит!

* * *

Вот ведь стерва! Как я и думал.

Отказалась. Да ещё и вмазать хотела. Но перед этим наорала. Но блять! Я думал за патлы сучку схватить да к столу лобешником приложить, но ё-моё! В груди что-то лопнуло, а вся привычная реальность вывернулась изнанкой наружу, когда Малышка ручкой на меня своей замахнулась. Я, разумеется, замах перехватил, а сам... залип как под гипнозом. И что-то, блин, тронуло в этой бесстрашной коротышке, раз все органы вверх тормашками перевернулись, стоило только коснуться её нежной кожи ладонью.

Я будто испытал инсайд. Когда столкнулся с глазами цвета ненастного неба, в которых уже орудовал самый настоящий смерч. Гордая, значит, кошка попалась. Видимо, эта адская

смесь хрупкости с гордостью и стала причиной мощного озарения и помутнения рассудка, раз я как вкопанный застыл, не в силах ни моргнуть, ни вдохнуть.

Всё. Трындец мне. Приплыли. И что делать-то теперь?

А рука в ответ ну никак не поднимается! Ведьма проклятая.

Безумно красивая, обворожительная, восхитительная ведьма!

Задание близится к провалу. Моему первому в жизни провалу. В карьере бессердечного ублюдка.

В общем, как самый настоящий подкаблучник и трус, я дал дёру. Понял, что не смогу вреда причинить. Ни ударить, ни нахамить, ни, тем более, шантажировать. Язык отсох! Ни одного грубого слова подобрать не смог.

Ладно, думаю девочка она всё-таки умная. Просто на эмоциях пока действует. А как всё обдумает – подпишет эту бумагу сраную.

Дал ей неделю. Надеюсь, в следующий раз батя другого обиралу пошлёт. Иначе... иначе я лучше сам себя придушу, чем снова эту девчонку обижу.

Я первым хотел из кабинета выскочить, но она опередила. Кажется, в сторону уборной побежала. Поздравляю, мудачелло! До слёз довёл.

Сори, Малышка, работа такая. Ничего не могу поделать. Я у Зверева самый главный должник. И буду до последнего вздоха на коленях перед ним ползать. Он ведь меня из детдома забрал. Семью дал, как собственное отродье воспитал. Никто брать не хотел... Не такой я для всех, видите ли, был. Ну, подумаешь, дрался чуток, хулиганил. Мужик ведь. А они – сами виноваты. Дразнили, унижали, издевались. Так и научился с кулаками по жизни двигаться. А батя сумел во мне разглядеть достойное существо. Усыновил. Приютил. Научил многому. За это я ему, признаюсь, до слёз благодарен. Родителей своих биологических не знаю. Поговаривают, алкашами были. Поэтому никто и не хотел себе сына такого – раздолбая. Гены ведь... Во всём якобы эти грёбаные гены виноваты.

* * *

Ни пока тебе, ни до свидания, ни спасибо, ни пожалуйста за уступки. Только и видел, как её аппетитный задок, приталенный строгой юбкой бежевого цвета, мелькнул в дверях уборной.

Я же ещё несколько минут в холле толпился, ожидая скорейшего возвращения хозяйки. Надеялся, что дамочка одумается. Но нет же. Видать, недооценил крошку. Пока ждал, с телефона тёлкам своим эсмеснул. Назначил на сегодня новые интересные встречи с интервалом в два часа. Троиш. Надеюсь, этого времени хватит, чтобы обслужили как следует, в порядке очереди. Затем тупо плюнул и решил заодно ещё в местный клуб заскочить, шлюшку какую-нить напялить. Зверь в штанах адски пульсировал, требуя скорейшей разрядки, перед глазами маячили сочные булки Малышкиной.

Я убрал телефон в карман, вышел на улицу. Несколько минут курил возле крыльца, глядя на то, как та самая ржавая «Копейка», которую я маленько в кустах поджал, подняв столб пыли, прочь улепётывала.

– Настенька! Стоооооой! – воздалось мне в спину.

Я резко обернулся. Увидел ту самую полноватую бабёнку в перепачканном детском пюре халате, с годовалым малышом на руках, которая, выскочив босыми пятками на крыльцо, заорала так резко, что думал, оглохну на хер.

Всё-таки сбежала, глупышка. Через окно, что ли? А я всё ждал, надеялся, что успокоится, в ноги мои упадёт и руки целовать будет, лишь бы избушку не отбирали.

– Ох! Горечко какое! Уехала! А лекарства-то свои забыла! Что же теперь делать? Ей ведь нельзя без них. А вдруг что в дороге случится, а у неё малыш один!

– Эй, дамочка! Чего раскричались? – я зашипел, потирая ужаленные криком уши.

– Да вот, Настя наша, Анастасия Николаевна, то есть, лекарства свои забыла. Диабет у неё... Приступы бывают. Не кушает совсем по вине стрессов всяких. Если вовремя не сделать инъекцию – сознание может потерять. Было уже такое. Причём ни раз.

БЛЯХА!

Странная паника охватила все тело, а по спине хлынула холодная дрожь. Я даже окурочек из пасти выронил, явно не на шутку распереживался. И, блять, не пойму даже, с чего вдруг? Неужели, из-за замухрышки? Немедля более, резко выдал:

– Давай сюда! Я догоню!

– Ой, спасибочки вам... – улыбнулась пампушка, одной рукой вытирая соплю мальцу, а другой – протягивая мне в руки потрепанную женскую сумочку.

– Адрес какой, если вдруг не успею? – вырыкнул, несясь к тачке.

– Муромская 50, квартира 17.

Прыгнул внутрь, педаль до упора вжал и с места сорвался, умудрившись за пять секунд разогнать свой сарай до максимально рекордной скорости. Лишь бы успеть...

Глава 3

Настя

Не выдержала больше. Сама следом выскочила и в уборную побежала. Слёзы ручьями катились по щекам, заливая воротник блузки. Свинья! Нет, не свинья, а сволочь самая настоящая!

Неужели он не видит, что у нас не бордель тут и не наливайка, а сиротский приют! Не человек он. Демон. Зверь. Без сердца, без души.

Я наспех умылась холодной водой, в зеркало посмотрела. Глаза как у мыши – красные, лицо – бледное, руки – трясутся. Домой поеду! Не смогу в таком состоянии с детьми работать. Да и вообще что-то голова дико разболелась. Лучше всё дома обдумаю, с Андреем посоветуюсь. Вдруг, он поможет?

Завтра всё равно поеду в Администрацию. Плевать даже, если не пустят без талона! У них эти талоны уже на год вперёд расписаны, а у меня нет столько времени. Президенту позвоню! В полицию заявление напишу о попытках угрозы. Ну что же это такое? И куда только власти смотрят? Понимаю, что всем до одного места какой-то там приют в богом забытом Мухосранске с населением тридцать человек. Тем более, если я сама инициативу взяла над его открытием. Пусть у нас хоть и двенадцать детей числится на данный момент, но это не даёт никому право обращаться с нами, как с животными. Смелые мысли прибавили бодрости, поэтому я быстро поспешила за Димочкой. Открыла дверь. Застыла... Не ушёл до сих пор. Чёрт бессердечный. Развалился на диване, в коридоре, широко ноги расставил, и сидит себе герой бесстрашный. Властитель жизни! Правитель мира! В телефон смотрит. Ухмыляется. Куртку снял... Теперь бицепсы свои бугристые на показ всем выставил. А тело у него красивое. Накаченное, спортивное, как у боксёра. На стероидах, наверно. В детстве, небось, давили, вот и за фигуру взялся, чтобы с виду казаться опасней.

Под курткой только майка. И ещё эта... татуировка с мордой волка. Красивая такая. Набита на правом предплечье и до самой шеи тянется. Глаза у зверя интересные. Такого же цвета, как и у этого самоуверенного поганца. Видимо, символизирует значение фамилии. Зверь. Дикий, неукротимый хищник. Как эта псина клыкастая.

Мне опять стало больно дышать. Только при одном мимолётном взгляде в его сторону. Бежать нужно. Как можно скорее. Иначе передумает насчёт дополнительной недели и придурит на месте, а затем в моём же саду под любимой вишней прикопает, на котором потом, после сноса дома, какой-нибудь загородный «СПА комплекс» для проституток построит.

Я тихонько выскользнула из уборной, побежала на второй этаж. Придурок даже не заметил. Всё с телефоном игрался. Забежала в детскую за сыном. Как обычно, Димка сидел в углу, с машинками играл. Сам. Отдалился от других деток, ни с кем на контакт не идёт. Сколько ни пытались – всё в бес толку. Не заставишь. А врачи говорят, что у ребёнка явная психологическая травма. Вот только не пойму из-за чего? Может, из-за нехватки отцовского внимания? Димка меня увидел, в объятия кинулся. Я его погладила, поцеловала, едва не расплакалась. Как же это прекрасно, когда у тебя есть тот, кто действительно любит... Тот, кто ждёт, скучает. Мой малыш. Моя жизнь. Мой самый светлый лучик в тёмном мире.

– Ну как там наш молодой депутат? – в игровой появилась Светлана.

– Да никак, – я тяжело выдохнула, помогая сыну одеть кофту.

Если честно, не хотелось пока ни с кем обсуждать эти помои, голова жутко раскалывается. Завтра поговорим. Да и Свете настроение не хочется портить.

– Денег дал? – прозвучал второй и самый важный вопрос.

Ага! Как же! Дал, конечно. Но не просто дал, а в лицо, как собаке швырнул.

– Нет. Слушай, я спешу очень. Давай завтра, а?

– Хорошо, милая. Тогда не буду задерживать. А куда вы спешите? – допрос продолжался.

– Домой, Свет. Домой.

Всё. Димку подмышку и бегом к запасному выходу. Когда я выбежала на улицу, злости моей не было ни конца, ни края! Оказывается, мой старенький «ВАЗ» зажал этот проклятый «Хаммер». Между забором и деревом.

«Урод!» – мысленно выругалась, собираясь было уже шины колоть, но пока, думаю, лучше не лезть на рожон. А сразу в полицию ехать. Что это ещё за ерунда такая? Деньгами швыряется, на подпись бумажки суёт, курит и ноги свои грязные без разрешения о кофейный столик вытирает! Подлец! Теперь вот ещё машину заблокировал, по клумбе проехался. Бедные мои лилии... За всё ответит. Клянусь! На уши всех подниму, в суд подам! Добро восторжествует.

Разозлившись, я со всей силы пнула покрышку этого ада на колёсах, но почувствовав жгучую отдачу в районе большого пальца ноги, пожалела. Усадив Димку на переднее сиденье автомобиля, я пристегнула сына ремнём безопасности и дала ему конфету. Последнюю.

Кое-как я вырулила из западни. Пришлось попотеть и снова наехать на клумбу. Колеса несчастной старушки забуксовали в грязи и... Моя малышка бампером почесалась об дерево.

Да чтоб ты в аду вечную вечность горел! Сволочь бандитская.

* * *

Наверно, сегодня были объявлены магнитные бури, что напали на мою судьбу, решив окончательно спустить всё под откос. Беда ведь не приходит одна. А всё потому, что на моём пути встретился самый настоящий зверь. Не так давно мы с Андреем переехали в новую квартиру. А старую, двухкомнатную, которую мне папа подарил, когда выиграл в лотерею, продали. Говорили знакомые, не глупите! Не продавайте! Но я вот снова любимого послушала. И снова на те же грабли наступила. Продала. А вместо шикарной двухкомнатной квартиры в новостройке, в шаге от центра города, получила клоповник на окраине свалки. За копейки. Деньги с папиной квартиры пошли на оплату долгов и на новую мебель в приют. Андрея коллекторы уже начали гнобить. С носом разбитым пришёл, прихрамывая на одну ногу. Я и не выдержала. Испугалась. Поэтому и продала всё к чёртовой матери. Бывшая хозяйка однокомнатной Хрущевки умирала в страшных муках. Местные поговаривают, ведьмой была, поэтому за дарма квартиру и отдали. Я в магию не верю, заморачиваться не стала. Но сейчас, похоже, мнение поменялось.

Когда покупала, я ещё не знала всех сплетен. Но вот новые соседи посоветовали обратиться в храм и священника вызвать. Я лишь посмеялась. А сейчас чувствую, первым делом, когда домой вернусь, молебен закажу. Да и сама в храм зайду. Свечку поставлю.

В общем, приехали мы с Димочкой домой и, пока я парковалась, заметила, что на улице похолодало, а в раздроблённом асфальте было допёрла воды. На прежнее место, вблизи подъезда, не подъехать – теперь там озеро самое настоящее. Ещё и кошка мёртвая лежит.

Господи! Не к добру всё это. Не к добру!

Пришлось парковаться у соседнего подъезда. Взяла кое-какие вещи с детдома на стирку, Димочку за руку и, хлопнув дверцей старушки, к дому направилась. В старом дворе, практически полностью заросшим колючей ежевикой, было подозрительно тихо. Лавочки, на которых обычно собиралась разная быдлота, пустовали. Судя по брошенным пивным бутылкам на грязной земле, не так давно тут состоялась сходка местных алкашей.

От машины до подъезда я всегда не шла, а бежала. И каждый раз мне кто-то что-то выкрикивал вслед. Какие-нибудь пошлые гадости. Я всегда держала наготове перцовый баллончик.

Вот только сейчас я поняла, что благодаря мерзавцу Звереву я забыла в приюте свою сумку. Вместе с лекарствами и вместе с баллончиком.

Хорошо хоть дома имелось пару ампул, я не стала возвращаться в аптеку. Время уже позднее – вечереет. А в этот период было особенно опасно бродить по здешним улочкам.

Неблагоприятный район, чтоб его. Надеюсь, у Андрея все-таки получится разобраться со своим бизнесом, и мы выкупим нашу квартиру обратно. А если нет... клянусь! Ещё пару месяцев, и пусть себе новую дурочку ищет! А я в село перееду. Если, конечно, через неделю от него хоть что-то останется.

Я крепко схватила Димку за руку и побежала. Малыш заплакал. Устал очень. Спать пора. К тому же, голодный, наверно. Даже не успела покормить, от этого хищника ненормального спасалась.

Вот я глупая! Нужно было Андрею позвонить, чтобы встретил. Опасно тут жить. Слишком опасно! Сколько раз уже дрянь всякая приставала. До сих пор везло. Но... не сегодня.

– Хэй, малышка! А у вас юбка задралась! – в темноте я едва не налетела на рослую фигуру, сидевшую на грязных ступеньках обшарпанного подъезда. Точнее, там было две фигуры. Местные чмошники. С пивом. Щёлкали семечки и похотливыми взглядами исподлобья пялились на мои голые ноги, выглядывающие из-под примятой юбки.

Я Димочку быстро за спину спрятала, мысленно приготовилась во всё горло орать и до самого последнего вздоха отбиваться кулаками. Но перед этим помолилась. Юбку отдёргнула, молча кивнула, но бичары и не думали с прохода убираться и продолжали насиловать меня страшными взглядами.

Как вдруг, один из них, тот, который покрупнее и погрязнее был, жутко захрипел, сплевывая мокроту прямо мне в ноги:

– Слышь, красотка, а у тебя будет пару рубасов реальным пацанам на пивас?

– Нет, простите. Дайте пройти, – сильнее прижала к себе ребёнка, чувствуя, как колени от страха начинают подкашиваться, а сердце стучит так дико, что я даже с трудом понимаю их быдло-говор.

– А меня, кстати, Черепом звать, – улыбнулся урод, демонстрируя свои выбитые зубы. – А тебя как, соседка?

– Извините, но я спешу. Мне ещё ребёнка спать укладывать и мужа кормить. Заждался уже, скоро встречать выйдет.

– Ты смотри, борзая, блять, какая! Вечно не достучишься! Гордой себя, видите ли, возомнила, носом воротит! Даже парочкой слов в падлу переброситься. Соседи ведь как-никак. Избегает, не замечает... Не хорошо так, не по-братски всё это. Иль думаешь, слишком хороша для таких как МЫ? Брезгуешь просто «приветик» сказать?

– Тварь высокомерная! – добавил второй, менее сдержанный, и на ноги вскочил, отряхивая поношенный спортивный костюм от шелухи из-под семечек. – Я ж её чуть ли ни каждый день пасу. А она морозится, сучка! Ни тебе зарости, ни до свидания. Пальцы веером, сиськи вперёд, и пошла вся из себя такая! Цапля недоделанная! Королева, мать её! – перекивлял меня недоносок, схватившись за штаны, как за юбку, отвесил реверанс и на цыпочки приподнялся. – Юбочки и блузочки красивые такие, до блеска отутюженные, а на цаплях каблучары! Не родня мы тебе, чё ли, что мороз врубаешь? Так ведь в одном болоте барахтаемся! А корона на башке не жмёт? – плечи вперёд, плевков в мою сторону, и это быдло на шаг ближе приблизилось. Как будто бить собрался. Как будто это я его только что оскорбила, а не он меня.

Я рефлекторно закрыла Диме уши ладонями и на пару шагов отступила назад. Сын уже явно нервничал. За юбку теребил, похныкивал, мычал что-то невнятное, тихонько поплакивал.

– Хорошо! Хорошо! Дам вам денег. У меня есть немного... – в панике я начала прощупывать карманы, но с ужасом вспомнила, что сумочку в приюте забыла. А там ведь всё. Кошелёк. Телефон. И лекарства. – Ой! В машине забыла. Сейчас сбегаю.

Развернулась. Димку на руки схватила, к машине рванула. Думала, забаррикадируюсь там внутри, или уеду, как вдруг почувствовала, как кто-то резко схватил меня за волосы и со всей силы дёрнул назад. Так, что я, не удержав равновесие, пошатнулась и упала. Спиной в грязную лужу. Вскрикнула. Как же больно... Волосы растрепались. Их, словно поводок, крепко держали чьи-то грубые лапы.

– Никуда ты не пойдёшь, сука. Передумал я! Не нужны нам больше твои деньги. Потому что щёлка твоя надменная куда более интересной выглядит!

– Нет! Пожалуйста! Умоляю! Спасите-е-е!!! – я заорала так громко, что думала, голос сорву. Но мой крик перебил сильный удар по лицу и звонкий треск. Такой, словно рядом бутылка упала и разбилась. В области саднящего горла я ощутила острый осколок, который угрожающе прижался к нежной коже в районе сонной артерии.

– Только пикни ещё раз, стерва драная, и твоему пацану конец! Сначала его порежем, а затем и тебя.

– Но только после того, как до смерти затрахаем! – добавил второй и его ледяные клешни с грубой силой сомкнулись на моих трясущихся щиколотках. – Потасили её! В кусты. Пока нет никого, – добавил первый. Тот, который за волосы держал и одновременно к горлу стекло прижимал.

– А с пацаном что?

Димочка, который лежал у меня на животе и плакал, судорожно вздрогнул, сильнее обхватив холодными ручками мою талию.

Я ожидала этого ответа как конца света. А когда лидер шайки, тот, который был пожирнее, ответил... я думала, сознание потеряю. Или просто умру. От разрыва сердца.

– В мусорник брось и запри нахрен.

Глава 4

Алекс

Я гнал машину, как проклятый. Но так и не догнал её, блять. Навигатор заглохнул. Грёбаная связь тут словно на необитаемом острове. Видать, хорошо эта Малышка лихачит, раз так ловко успела оторваться. А я, походу, не туда свернул... И спросить даже не у кого – кругом глушь чернющая. Ни души, ни машин, ни домов. Сплошное гиблое поле.

В конце концов, я вырулил на трассу. Навигатор заработал и сразу же показал направление в сторону этой Мурманской, то есть Муромской. Никогда о такой не слышал. Даже на карте толком не обозначена. Пришлось у местных спрашивать, на что ориентир брать. Вот только при слове Муромская они на меня как на Чикатило вылупились. Сказали, что райончик этот как в фильме «Девятый район» – до усрачки криминальный. Но мне как-то похер. Я и сам как криминал. Причём самый главный, в авторитетах нашего города.

Через пару минут я добрался до конечной точки пункта назначения. С виду Муромская напоминала один большой и бескрайний бомжатник. Возник волнительный вопрос: и как только люди в подобном дерьме могут жить? Всё равно, что на свалке...

«Мусорная» – вот это название лучше подходит для подобной задницы.

Нашёл нужный двор. Потрясло немного на кочках, пока я разыскивал Настин дом. Если бы на «Лексусе» сёдня был – в хлам бы убил. Прямо как чувствовал, что внедорожник брать надо.

Фух! В самом конце улицы я увидел её машину, возле того самого «барака» под номером пятьдесят. Правда ноль уже давно стёрся, а пятёрка была подкрашена баллончиком. При виде знакомого «Жигулёнка» с плеч словно камень свалился, а лёгким намного легче стало дышать.

Подошел к машине – никого. Лишь какие-то игрушки и тряпки детские на заднем сиденье разбросаны, при виде которых боль в груди мигом вернулась. Что-то я сегодня часто начал задумываться о прошлом. Я ведь тоже детдомовский. Вот придурок! Зря я, конечно, нагрубил девчонке, толком не выяснил, чем дышит, где живет и что ест. Походу, мать многодетная. А выглядит, кстати, отпадно. Фигурка что надо. И не скажешь даже, что рожала как крольчиха.

Хмыкнув, я направился к подъезду, как вдруг... крики услышал, а затем и плач детский, от которого вмиг похолодело. Сразу сообразил, что к чему и на шум рванул. Кажется, из соседнего переулка доносилось.

– Бляя, держи ее! И ноги раздвинь!

– Сопротивляется, сука!

– Ну так по башке тресни!

– Да я шас щенка её тресну! Предупреждал ведь!

Чёрт. Увидел такое, что долго ещё помнить буду. Настя на земле лежит, а двое бомжар её за руки и за ноги на грязном цементе растягивают. Один уже со спущенными штанами над её животом нависает, а другой юбку до талии задирает. Вырывается. Храбрая девчонка. Даже несмотря на то, что колготки порваны, туфли со стоп слетели, а на ладонях и коленях ссадины свежие кровоточат.

Мальчонка какой-то рядом сидит. Кричит, рыдает вовсю. В шоке, наверное. В угол между мусорником и стеной забился. На Настю похож очень. Сын, наверно. Я снова на Малышку взгляд бросил. Что то-то в этой девчонке до забвения тронуло... Хрупкая она очень. Как хрусталь. Маленькая такая, беззащитная. И безумно красивая. Таковую к груди прижать хочется и целовать, целовать, целовать... пока губы не опухнут. Ещё и обнимать. Я спятил, наверное. Но в этот миг в сердце что-то лопнуло, а душа... душа наизнанку вывернулась.

Блять. Я никогда так дико не злился, нахер! Как увидел грязные грабли тварей на её нежных бёдрах, так чуть было насмерть не забил обоих. Суки! Выродки! Ублюдки! Увидев, как те гниды облезлые с Насти трусики пытаются сорвать – сам сорвался. Как волк бешеный. С двух ударов уложил мразей рожей в грязь. Ногами всё дерьмо из еще большего дерьма принялся выбивать. Я слышал, как они верещали от боли, как их ребра хрустели, и как их глотки захлёбывались желчью. Один из них даже обделался.

Чмо! Таких убивать надо. Отстреливать! Как шавок невменяемых!

Даже боюсь представить, что бы было, если бы не поехал следом. Если бы она сумку не забыла. Если бы хоть на секунду опоздал... СУКИ!

Адреналин ударил в голову, а запах крови подействовал на меня как на неуправляемого хищника, прибавляя злости. Настя застыла в ступоре, глядя на всю эту кровавую бойню. Быстро юбку отдернула, кровь с нижней губы ладошкой смахнула и, пошатываясь, попыталась ко мне подойти. Несколько раз упала. Снова заплакала, теперь уже кровь с ладоней вытирала. Я когда раны на её теле увидел и эти несчастные, до смерти перепуганные глаза, дополна залитые слезами, так вообще в край чокнулся. Со всей дури принялся лупить по этим мешкам с дерьмом руками и ногами, до тех пор, пока они окончательно не заткнулись, а их туши не перестали уворачиваться от ударов.

Я бы прибил... Запинал до смерти, если бы Настя меня не остановила. Если бы не обняла, а я... не почувствовал бы её нежные ручки на своей напряжённой талии.

– Хватит. Прекратите! Вы их убьете! – жалобно простонала Малышка.

Остановился. Через силу. Через злость. Только прикосновение этой миниатюрной девочки смогло охладить мой лютый пыл. Девушка резко отстранилась и, обутая в одну туфельку, прихрамывая, побежала к рыдающему мальчику.

– Тише, тише, Димочка. Я здесь. С тобой. Не плачь, маленький. Всё хорошо. Ты просто задремал и тебе приснился дурной сон. Мамочка здесь. Мамочка рядом. С тобой.

Сколько нежности было в этом голосе... И сколько тепла в этих кукольных ручках. Теперь я себя ненавижу! За то, что оскорбить посмел, когда в первый раз увидел Анастасию.

– Пойдём домой, сыночка. Пожалуйста. Я тебе какао сделаю и мультик включу. Идём. Сегодня можно. Сегодня всё можно. Даже шоколадку куплю.

Но мальчик всё кричал и кричал. Охрип, бедный. Ручками вцепился в ржавый край мусорного бака, и ни в какую не желал размыкать руки. А Настя, упав на колени, не знала, что делать. Рыдала, хваталась за голову, обнимала ребёнка и снова рыдала.

– Давайте помогу, – я решил вмешаться.

Достал телефон, клацнул в интернете первый попавшийся мультик и ребятёнку сунул. Мелкий ещё немного поплакал, а затем успокоился, уставившись в экран «Айфона». Я осторожно разлепил его ледяные руки, подхватил малыша на руки, понёс. Конечно, больше всего на свете я страсть как мечтал, чтобы в моих руках не ребёнок заплаканный оказался, а девушка эта. Но не вышло. Хотя они бы даже вдвоём могли бы поместиться. Мне не в падлу было!

Спотыкаясь на каждом шагу, Настя бежала следом. Она пыталась успокоить шкета своими сладкими речами. Открыла дверь подъезда и повела нас в квартиру. Сама-то еле-еле на ногах стоит. Лучше не смотреть на неё, пока в доме не окажемся. Иначе вернусь и члены каждому оторву. А яйца... яйца сожрать заставлю! Жуткие ссадины на лице Малышки разрывали мне сердце.

Жили они на втором этаже в самом настоящем клоповнике. Если бы и существовал ад на земле то, несомненно, тут было бы его начало.

Я отнёс ребёнка на кухню. Усадил за стол, а телефон рядом оставил. Пусть поиграет. Теперь очередь Настю успокаивать.

– Прости, парень, жаль, угостить нечем. Есть только жвачка, – потрепал мальчика по белокурой головке, выдавив нечто, похожее на улыбку, хотя на самом деле не до улыбок было.

Настя рядом стояла. Тяжело и хрипло дышала, облокотившись о покоцанную стену, на которой куска обоев не хватало. С грустью в потухших глазах, она тихонько прошептала:

– Спасибо. Даже и не знаю, как вас отблагодарить...

Шептала невпопад. Из стороны в сторону раскачивалась. Как пьяный маятник. Её поведение мне жутко не понравилось, как и внешний вид, собственно. То ли от нервов, то ли от... Чёрт!!!

Я не успел было подумать об этом грёбаном инсулине, как её глаза вмиг закатились, а сама она впечаталась спиной в стену. Сползла. Замычала. И на пол бы упала, не подхвати бы я её вовремя.

– Эй! Анастасия! – потрепал за холодные щёки. – Настя! Очнись!!! Где у вас тут аптечка, блин?! И как укол инсулина правильно делать? Блять!!!

Я поднял её на руки и в гостиную отнёс. Положил на диван, пледом укрыл. Быстро Викторовича набрал, врача нашего семейного, и попросил помощи. Он сказал, что скоро будет, а пока нужно дать ей нашатыря и инъекцию сделать. Рассказал как.

Бляха! Ну и денёк. Я никогда прежде не делал уколов.

Достал шприц, вставил в ампулу, набрал. Пока набирал, на девушку периодически взгляды бросал. Спит. Но дышит. Пульс есть, слабый. А тело, на ощупь, как лёд.

Теперь самое сложное...

Приподнял блузку. Сплотнул, когда увидел красивый животик. Кожа гладкая, нежная, как у младенца. Целовать хочется... Каждый сантиметр её тела. А ещё хочется клубнику в пупок положить и прямо оттуда съесть. Главное, не увлекаться. Не то реально откушу. Я бы откусил. Слопал. Сожрал бы её всю! Как зверь дикий! Как волк бешеный! Сожрал и облизал, но перед этим бы взял! Так нежно... как никто и никогда в её жалкой жизни не брал. Так, как ей даже и не снилось.

Еле-еле тот клятый жир нащупал. Сплошная кожа с костями! Сосчитал до трёх, вкол. Получилось. Правда, руки тряслись как у хронического наркомана. После укола я ещё несколько секунд смотрел на её впалый животик, торчащие рёбра и бледно-зелёную кожу, которая, несмотря на болезненный цвет, на ощупь казалась чистым шёлком, с облегчением выдохнул.

Порылся по шкафчикам в гостинной, аптечку нашёл, а там и бутылёк с аммиаком. Приобнял девушку, чуть голову назад отклонил, заставил её понюхать эту дрянь. Дёрнулась. Замычала. Попыталась отстраниться. Очнулась всё-таки!

Чёрт, Настя! Как же ты меня напугала...

* * *

Через десять минут врач приехал. Осмотрел Анастасию, послушал. Сказал, что всё вроде бы в норме. Пока он с Настей общался, я даже успел в магазин сбежать. Купил кое-что из продуктов и к ней помчался. Побеседовав, Викторович уехал, выписав новые лекарства. Девчонка задремала. Я же кашу пацану по-быренькому сварганил.

Да! Жесть, конечно. Но я, блин, реально кашу сварил. Сам. «Гугл» в помощь, но впервые в жизни я сумел ужин ребёнку приготовить. Я! И мне это блин охренеть как понравилось. Как и думал, малой чуть было тарелку от голода залпом не слопал.

Трындец просто. А папаша его, интересно, где прохлаждается?

Или, быть может, Анастасия разведёнка? При этой мысли ещё больнее стало. За неё и за себя, уroda, когда обидеть посмел.

Затем я и Настю накормил, когда Малышка проснулась. Сначала отказывалась, но я в шутку пригрозил, что насильно заталкивать буду. Тогда дамочка согласилась.

После ужина мы положили Димона спать. Пока Настя приходила в себя, мы с её парнем мультики смотрели, ели шоколад и всё это дело запивали соком. Настя пришла, сказала мол, малому уже спать давно пора. Улыбнулась. А у меня сердце в глотку выстрелило! Насколько же божественной была её улыбка.

Когда Димыч уснул я собрался уйти. Но она вдруг остановила. У самой двери окликнула. За локоть схватила, с беспокойством посмотрела на мои руки.

– Подождите, Алексей. Вы ведь ранены, – бережно коснулась содранных до мяса костяшек.

– Да фигня, – смущённо почесал затылок.

Главное, что тебе лучше стало. А я как-нить переживу. Заслужил. Заслужил, дебил, за то, что такую красивую девушку оскорбить посмел.

– Не уходите, я обработаю.

– Не надо.

Но она проигнорировала. За аптечкой убежала.

* * *

Мать честная... Долбаный шизик, млять! Думал, обкончаюсь, сознание потеряю, в окно от бьющих через край эмоций выпрыгну, когда она своими маленькими ручками ваткой по моим разодранным костяшкам юлозила. Очень близко к руке склонилась... Внимательно всё делала, осторожно. Я даже ни грамма боли не почувствовал, когда она перекистью на свежее мясо брызнула, всё на эти бездонные глаза пялился. То на глаза, то на сладкие, бледно-розовые губы. В мыслях настоящий пожар орудовал, выжигая дотла долбаный мозг. Потому что хотелось всё к хренам послать, схватить Малышку за талию, к себе на колени посадить, к груди прижать и губы её ласкать, ласкать, ласкать, до самого утра. Нет! До ночи следующей! Чтобы доплетна насытиться. Как маньяк одержимый. Как хищник дикий! Моя... Хотелось своей её сделать. Навсегда. До последнего вздоха, чтобы мне принадлежала. Я только сейчас это понял. Как будто что-то по башке больно стукнуло. Как манна небесная. Как кусок льда в тропиках, который на голову из ниоткуда свалился!

Спятил я. Точно спятил! Заболел. Этой длинноволосой голубоглазой крошкой. Так неизлечимо, что вряд ли оклемаюсь когда-либо. Вздогнул. Её шелковистая прядь волос упала на мою руку, а полная грудь плавно качнулась перед глазами, отчего мои трусы, по вине дикого напряжения, будто стали на два размера теснее. Вот ведь! Никогда бы не подумал, что лишь при одном взгляде на кого-то мой буйвол в штанах моментально вставал острым колом. А ведь я даже ещё не видел её самых сочных мест.

«И не увидишь! Не твоя она! – рыкнуло внутреннее «я». – Муж у неё, вероятно, имеется. И ребёнок, если не забыл. Поэтому выруби свои кобелиные замашки и домой вали. Лучше думай, как перед батей оправдываться будешь!»

Пока Настя без сознания лежала, а я врача ожидал, одну очень интересную фотку заметил, в рамочке на комод. Анастасия там была среди кучки незнакомых ребятишек. Улыбается стоит, детей к себе прижимает, словно родных. Около двенадцати насчитал. И Димку тоже узнал, в самом центре толпы. Только вот грустный какой-то. Видно, не любит на камеру позировать.

Даже если бы эти отпрыски, все, поголовно, были бы её роднёй, я бы ни за что не поменял мнения. Запал, бля! Как проклятый! Её лицо, её голос, волосы и губы... я буду помнить вечно.

Вряд ли, конечно, эта мелкотня кровной ей приходится. Получается, Анастасия бы уже своего первого в свои двенадцать родила. Ах-ха! А потом каждый год ещё по одному производила. Не, ну что за бред я тут себе нафантазировал!

Когда с лечением было покончено, неожиданно, она спросила:

– Хотите чаю?

Я воодушевлённо выдал:

– Честно, не отказался бы.

Лишь бы твои заботливые ручки его приготовили.

А согласился я лишь потому, что её нужно было накормить. Сладким, в первую очередь. Хорошо, что в магазин сгонял. Холодильник совсем пустым был. Лишь бутерброд какой-то с плесенью там завалился. Она совсем, что ли, бомжует? А может, это и не её квартира вовсе? Может она тут временно проживает? А муж где? Столько вопросов и ни единого ответа.

– Врача вот вызвали, а сами не показали побои, – сердито глянула на меня исподлобья, разливая заварку по кружкам. Руки Малышки до сих пор дрожали.

– Давайте я, лучше! – было больно на это смотреть, поэтому я быстро выхватил из её рук чайник. Вдруг ещё обожжётся.

Наши руки соприкоснулись. Ух!

– Да забыл я. Просто фигня. Ничего существенного, – ответил и обжёгся. Но зубы стиснул, виду не подал, продолжая разливать напиток. – Кстати, с Димом всё хорошо. Испугался немного. Но не смертельно. Доктор его тоже посмотрел.

– Ясно, – кукольные глазки наполнились влагой. – Даже не знаю, как вас отблагодарить.

Хотел сказать, документы о купле-продаже подпишите, но нахер это дело послал. Пусть батя сам разбирается, а я... я, чёрт, кажется, влюбился. Не на шутку влюбился! По-серьёзному, бляха! Даже и не думал, что так бывает. Особенно со мной. С бабником, сука.

Настя присела на краешек раздолбанного табурета, а мне, как почётному гостю, уступила место на подуставшей кухонной скамейке. Гордость прям в венах забурилась. Впервые в жизни я нечто достойное сделал. И это, блин, ну просто офигительное ощущение – девушку спасти. Спасти, а не прижучить. Как с остальными поступал, исполняя прихоти бати.

Ещё раз осмотрев подобие жилища, я отметил, что квартирка хоть и старая, ремонта никакого, стены трещат, штукатурка сыплется, половицы скрипят, да проваливаются, но все равно чисто и прибрано везде. Женская забота чувствуется. На кухне даже ваза с полевыми цветами стоит. Как мило...

– Спасибо, если бы не вы... я... я бы даже не знаю, что бы случилось, – прошептала с нежностью в глазах. – Деньги за услуги доктора и за продукты, я вам верну. Обязательно!

– Э-э-э, нет. Это лишнее. Не надо. Простого «спасибо» будет достаточно.

Ну и поцелуя, естественно. Если бы на твоём сладеньком пальчике этого не было бы этого дурацкого кольца. Только сейчас заметил. Замужем всё-таки. Правда, кольцо, какое-то фальшивое на вид. Подделка, за пять рублей купленная на китайском рынке.

Я было на самом-то деле хотел потребовать поцелуй в качестве благодарности, даже ближе наклонился, ведь наши руки так и остались лежать друг на друге, к приклеенные к заварнику. Моя снизу была. И я, скорей всего блин, до мяса уже кожу прожёл. Но убирать не спешил. А хотел, чтобы она подольше там полежала.

Девчонка словно без слов всё поняла, и тоже застыла. Не моргала, не дышала. Будто ждала поцелуя. Как вдруг входная дверь, будь она неладна, с противным лязгом скрипнула, и на пороге появился незнакомый мужчина с шарфом футбольного болельщика на шее, а за его спиной ещё несколько ребят.

– Настюх, я дома! Есть чё пожрать? Мы тут с пацанами решили футбол глянуть. Сварганишь шо-нить по-быренькому? – донёсся первый вопрос из тесного коридора убогого курятника.

Вздروгнули. Одновременно причём. Настя резко отстранилась и, покраснев, отсела подальше.

– Опля, а это чё такое? Гости у нас? Насть, кто это, млять, такой? Любовн...

– Андрей! Прекрати! Что за глупости? Не надо грубить. Выслушай сначала, – она испуганно закричала, пытаясь закрыть меня своей худенькой спинкой, так и не позволив чмошнику договорить. Я с первой секунды понял, что муж её действительно мразь редкостная. Неудивительно, почему девчонку часом ранее чуть было не изнасиловали возле собственного дома. Нет у неё защитника, а этот хер с виду дрыщ и нищоброд чистокровный. Да ещё и хам трусливый. Но никакой уж не муж! Тем более мужчина! В моём понимании, когда на штамп в паспорте решился, то будь добр, ответственность прими. Теперь, она твоя, а ты – её защита. Поддержка и опора. До самого последнего вздоха.

– Это Алексей. Зверев. Помог мне. На меня хулиганы в подъезде напали, сумочку отобрали, Димку напугали, а Алексей их прогнал.

– А-а-а, ну теперь всё ясно, – ушлёпок толпился на месте, шурша пакетами от чипсов, нервно поглядывая на дешёвые часы на запястье. – Ну спасибо, чувак!

Вот и все благодарности.

Чмошник. Нет. Хуже! Он – самая настоящая ошибка природы.

– Ладно, мы в зале будем. Матч уже начинается. Сегодня наши играют. Алекс, может, тоже к нам присоединишься? – утырок подмигнул, жестом приглашая в комнату.

Я же, стиснув кулаки, прорычал:

– Нет, спасибо. Мне пора уже.

Странно. Этот недоносок даже не поинтересовался, что, такой как я, весь из себя перец, забыл в подобной клоаке? И как именно его женщину в подъезде встретил?

– Нет, Андрей. Никакого футбола. Я уже Димочку уложила. Завтра повтор посмотрите, – вмешалась Настя, подрагивая от страха.

Видать, боялась дерьмо это ходячее.

– Обломчик! – присвистнул кто-то из толпы отморожков.

– Ну вот блин, Насть! Я же ещё вчера предупреждал! На кухне бы в коляске уложила. Или на балконе. Свежий воздух всё-таки. Лучше, чем в душной камерке.

СУКА!

Я изо всех сил сдерживался. Но чувствовал, как уже кости от перенапряжения ломит.

– Андрюх, давай ко мне тогда завалимся, – выдал один утырок из толпы троих недоносков.

– Окей! Погнали, – хором ответив, беззаботное трио дружно вывалилось в подъезд.

Пиздец просто. Спасать девочку нужно. Спасать!

Руки прям чесались по морде заехать. Каждому. В порядке очереди. Особенно Андрюшке этому, долбодятлу, до того, как свалил, пидар. Но, видимо, любит Анастасия уroda, поэтому не хотел ей сердечко терзать. Только вот не понимаю, как именно такое говно полюбить можно? За что? Может, трахает как бог? А может, в мелком всё дело? Есть ведь такие бабы, которые ради ребёнка на всё готовы. Даже побои терпеть, лишь бы семью не разрушить. Просто потом считают, что раз детёныш от одного кобеля, то другой даже мельком в их сторону не посмотрит. Они глубоко ошибаются. Я бы на всё согласился, лишь бы хотя бы раз почувствовать вкус её губ.

Тронулся. Чокнулся в преддверии кризиса среднего возраста. Я бы женился. Вот так вот, запросто! Забил бы на всё и под венец умыкнул. Красивая очень... и сердце у неё доброе. Только сейчас понял, что именно такая женщина мне нужна. И малец у неё прикольный. Ну просто копия мамки. Ни одной черточки от того уroda не взял. Я бы их обоих забрал, и плевать на всё. А хрена этого одним мизинчиком в пыль ушатал. Правда, если бы Настя не любила. А втюхалась, походу, так сильно, что и живет якобы по такому принципу, что «с милым и рай в шалаше».

Глава 5

Настя

Когда он ушёл, на душе стало пусто. Горько, уныло и одновременно больно. Как будто с его уходом и душа моя ушла, а квартира снова погрузилась во мрак. На прощанье Алексей ещё раз искренне извинился. За всё. Особенно за то, что оскорбил, когда впервые встретились. Вот только по поводу земли ни слова не сказал, а я уже и не знала, чего в будущем следует от него ожидать. Вроде как подружались, а вроде и нет.

Когда я закрыла за ним дверь, спиной к ней припала и на пол сползла, задыхаясь от непонятных ощущений. В животе пожар, в груди дикая пульсация, а на глаза снова слёзы наворачиваются. Обхватив голову руками, я тихонько всхлипнула. На этот раз даже не знаю почему. Наверно потому, что отпускать не хотела. Наверно потому, что хотела, чтобы он ещё хотя бы минуту побыл. Со мной. Рядом. А ещё лучше обнял.

В воздухе до сих пор ощущался его аромат. Сильный, властный, с ноткой имбиря. Запах сильного, уверенного в себе мужчины, буквально за секунду дурманящий голову любой встречной на его пути женщине. Как и мне...

– Ну и я тоже, пожалуй, пойду, – сказал Алексей перед тем, как покинул квартиру, а возле выхода добавил: – Только прошу вас, больше НИКОГДА одной не ходите. Мужу звоните. Или баллончик всегда носите.

– Спасибо. Обещаю, – смущённо опустила голову вниз, рассматривая его красивые кожаные ботинки.

И он ушёл. Резко и неожиданно. Просто выбежал вон, не сказав больше ни слова. Я даже замок с первого раза повернуть не смогла, настолько сильно руки дрожали. А когда в кухню вернулась, кружку его взяла, к груди прижала, мысленно поблагодарила за спасение. Так и не выпил ни грамма. Зато на кружке будто до сих пор ощущались его сильные руки. Тёплые такие, крепкие, мужественные и надёжные. Как и сам он.

Алексей... В переводе – защитник.

Этой ночью сна не было ни в одном глазу. Я не могла отойти от шока, особенно когда Алексей уехал. Перед глазами постоянно мелькали события сегодняшнего жуткого вечера. Снова и снова я прокручивала в уме воспоминания, не понимая, почему он так неожиданно, словно призрак, вырос из-под земли. Следил, что ли?

Но, если честно, всё уже было неважно. Главное, что спас. Главное, что не бросил в беде. И сыну моему помог. Утешил. Успокоил. Ещё и накормил. Кашу, между прочим, сам сварил. Заботливый какой. И меня угостил. Признаюсь, я ничего вкуснее в жизни не ела!

И я его сразу простила. Даже не вспомнила о том скандале не давнишнем. Словно два разных человека на моём сложном пути встретились. Как близнецы. Как ангел и демон.

Потом уже я сообразила, что он просто сумочку вернуть зачем-то хотел. От самого села тачку гнал. Если бы не Зверев... они бы меня точно убили. Но сначала на глазах у ребёнка изнасиловали. А затем и закололи бутылкой от пива, чтобы кому надо не пожаловалась.

Димочка мой сладкий... Так разревелся, до хрипоты! Я думала, моё сердце разорвётся от инфаркта! Но Алексей опять выручил. Поразительно просто. За минуту успокоил, на руках укачал.

Вот бы мне такого мужа. И где же он пропал столько времени? Не то что мой Андрей. Неудачник. К друзьям на футбол сбежал. К Маринке всей своей убогой тусовкой намылились. А у неё близнецы, между прочим, и тоже однокомнатная «коробка».

Самое обидное, что этот мой осёл сказал – «на балконе уложишь». Как котенка какого, или щенка, который раздражает своим криком.

Урод! Пофигист! Думает, Димочке до сих пор два года, а не пять. Он ведь уже давно как с коляски вырос... Ну ничего! Есть ещё терпение. Подожду, пока деньги с папиного бизнеса вернёт, а затем и сбегу. Не хочется, конечно, семью рушить, но то, что у нас имеется на сей день – никакая уже и не семья вовсе. Андрей был совершенно другим мужчиной, когда замуж звал. Мечтой моей дикой. Любовью... Первой и единственной. Самый красивый парень района. Добрый, харизматичный. Девчонки от одного лишь только имени «Андрей» лужицей мокрой растекались к его ногам, готовые по первому свистку честь свою девичью отдать «Королю школы».

Вначале, он меня не замечал. Даже не здоровался. А когда в нашу школу перевёлся – заметил! Точнее, замечал тогда, когда домашнюю работу за него делала. Просил меня, умолял. Complimentами с головы до ног заваливал. Я же, дурочка наивная, как сахар в кипятке таяла. Всё для него делала. Всё! Потому что влюбилась. Неудивительно. Как и все мои подруги. Он ведь был самым популярным парнем в школе. А в итоге... стал настоящим дном. Когда повзрослел. Когда загорелся собственным бизнесом.

Накануне выпускного Андрей позвал меня на свидание. Более того, в качестве второй половинки сопровождал на вручении золотой медали. Тогда я думала, что я – самая счастливая девчонка на свете! Тот мальчик, которого я любила взахлёб, спустя долгие годы страданий, ответил мне взаимностью.

Ослеплённая влюблённостью, я не увидела истинных мотивов мерзавца. Накануне выпускного отец выиграл в лотерею приличную сумму. Я не могла в это поверить. Всегда смеялась, наблюдая за тем, как он последние копейки до зарплаты спускает на билетки.

– Сегодня, доченька! Сегодня уже обязательно повезёт! – радовался папочка купленному билету, целовал этот несчастный клочок бумаги и в карман прятал, спеша домой на очередной лохотрон по розыгрышу. Я лишь смеялась и следом бежала, не веря в то, что чудеса случаются. А он верил... Поэтому и выиграл. Его сотый, по счёту, купленный билет, оказался выигрышным.

Помню, как у нас в доме едва ли стёкла не треснули, когда папа заорал как бешеный и принялся отплясывать чечётку на радостях:

– БИНГО, Настенька! БИНГО-О-О!

Так мы и разбогатели. Но счастье длилось недолго. После выпускного вечера Андрей соблазном затащил меня в постель и обесчестил. Но перед этим напоил. Так, что я даже боли не почувствовала во время первого раза. А спустя четыре недели... меня начало тошнить. Задержка. Нет аппетита. Я поняла, что жду ребёночка.

Отец на тот момент отправил меня учиться в престижный ВУЗ на педагога. Но, узнав о малыше, вернул обратно в город. Рассердился, заставил Андрея жениться. Но тот даже и не сопротивлялся. Согласился. Так мы и породнились. Сначала я о многом жалела, в подушку постоянно плакала, что душой такой была и на первом свидании отдалась парню, но потом успокоилась. Когда мой отец принял Андрея в свой круг. Делу своему обучил. Он тогда открыл бизнес по ремонту автомобилей. И даже меня обучил водительскому мастерству. Когда я сдала на права – папа купил мне машину. Новенькую, из салона. А через месяц папа умер. Сердце остановилось. Вместе с ним... и моя жизнь ушла.

Папочки не стало, когда я была на пятом месяце. Так и не дождался рождения внука... Как же горько. Я тогда на сохранении три недели пролежала, всё от стресса не могла отойти. Он умер во время работы. Когда ремонтировал одну машину в своём автосервисе. Всё для меня и для будущего малыша старался, чтобы не нуждались ни в чём. А когда узнал, что мальчик будет – так вообще днём и ночью пахал. Любил он меня очень. Безумно любил. На мать, говорил, похожа... А мать нашу я даже и не знала. При родах скончалась. Знала лишь, что перед фактом её поставили – либо я, либо она. Врачи делали всё возможное, но в то время не было таких

технологий, которые позволили бы им спасти обоих. Отец принял её волю. И ни на секунду не гневался на меня. За то, что это я отняла жизнь его любимой женщины.

Я тоже держалась из последних сил. Андрей на тот момент ещё помогал. Заботился. Оберегал. До тех пор, пока Димка не подрос, а на наши плечи не свалился бесконечный поток задолженностей. Влез Андрейка в какое-то дело темное, пришлось всё распродать. Папин автосервис, машину мою и даже квартиру, тем же отцом подаренную нам на свадьбу. А ещё он хотел открыть сиротский приют. Для маленьких деток. Сам ведь детдомовский, вот поэтому и мечтал не просто построить приют, а реабилитационный центр. За городом. Возле леса. Где всегда чистый воздух, свежо и красиво. Подальше от шумных промышленных городов. Подзаработал и купил такой домик. Вот только не успел привести его в годный вид. Не дожил. На ровном месте сгинул.

Никогда и не знаешь, что нас завтра ждёт. Живет себе человек, живёт... и тут бах! Нет его. Лишь горькие воспоминания и фотография в рамке, обтянутая чёрной лентой.

* * *

После ухода Алексея я лишь часок вздремнула. Но стоило только мне закрыть глаза, как вдруг Андрей вернулся. Пьяный. Неуравновешенный. Вздвигнутый какой-то. Приставать начал, опаливая мою кожу перегаром.

– Настюшечка, м-милая моя, сладкая, и-ик! Люблю-ю-ю я тебя очень! Красивая т-ты такая. Хочу т-тебя. Давай быстренько. Утро уже с-скоро, на работу опоздаешь, – навалился всей своей массой габаритной так, что дышать трудно стало, и за грудь с силой схватил. Вот только мне ударить его захотелось вместо того, чтобы заняться любовью. А ощущения приятные, даже во время секса, я уже давно как перестала испытывать. Точнее, никогда и не испытывала. Ни разу. Лишь имитировала. Думала, всё наладится. Думала, бывает такое. Якобы период адаптации после потери девственности.

А потом роды... и всё повторилось. Жжение, боль, слёзы и ненависть после неудовлетворённости. Зато ему хорошо. Пар спускал, на бок переворачивался и храпел так, что стены ходуном ходили. А я в ванную бежала. Закрывалась там и редела, стоя под открытым краном. Не хотела ему рассказывать. Он ведь любил меня. И сына нашего. Не хотела, чтобы бросил. Всегда угодить пыталась. Андрей ведь когда-то был самым завидным парнем. Был, пока в душе не прогнил.

А изменился он, когда Димка начал ходить. Видно, надоело всё. Мы надоели. И долги эти проклятые тоже надоели! Он словно вычеркнул нас из своей жизни. Делал вид, что любит. А сам налево ходил. Не видела лично, но слухи не врал. Я же после этих слов тошнотворных так разозлилась, что чуть было пощечину ему не влепила.

«Быстренько возьму... Зайду и выйду сразу же. Тебе ведь на работу! Успеем»

А тебе? Тебе когда на работу? Когда ты уже в дом деньги приносить начнёшь, а не наоборот – уносить?! Я на двух работах как проклятая пашу, сознание на рабочем месте теряю, а он только напивается и ерундой всякой мается!

Я хотела всё дословно высказать, но Андрей уже захрапел. Как только подушки красной от похмелья рожей коснулся. Ну и как мне с ним ребёнка оставлять? Я ведь сегодня до вечера в магазине работаю. Придётся в приют везти. А затем снова в город на работу возвращаться.

Достало уже всё. Сплошная мгла беспросветная.

Я подняла ребёнка с первыми лучам солнца. Димка расстроился, капризничал, но я его в машине уложила, во время поездки ещё поспал. А когда к приюту подъехала, меня уже дети встречали. Вместе с нянечкой. И чего это они в такую рань в саду столпились?

– Тётя, Нася, тётя Насяяяя! Смотрите, что у нас есть! Иглушки новые и конфеты ещё! – ребята набросилась на меня со всех сторон, чуть было с ног не сбили. У каждого в маленьких

ручках новая игрушка. Причём хорошие такие игрушки, с фирменными этикетками. Неужели депутата дождалась?

Погладила детей по головкам, обняла каждого, пообщалась немного. Семь девочек и пять мальчиков. Как родные мне. И самые-самые любимые. Никому их не отдам! Как кровных лелею. Но Димку, естественно, сильнее всех. Если получится когда-нибудь – всех детишек только в хорошую семью пристроим. А то приходят вечно алкаши всякие, ребёнка им подавайте! Как зверушку какую! За пособие, естественно, больше трясутся, нежели за родительство. Тем более за детей, у которых имеются некоторые болезни, больше ведь дают.

У нас дети – астматики. Им катастрофически необходим свежий воздух и регулярные прогулки по лесу. Но были и те, кто плохо разговаривал, плакал постоянно, прихрамывал... Танечка, например. Её голова один на машине сбил, а сам сбежал. Выродок! Откупился. Сельский чиновник. А родители Танюши были алкоголиками.

Я тогда по воле случая той самой дорогой ехала, а как увидела ребёнка под колёсами дорогой иномарки да хрыча этого старого, который, нет, чтобы скорую вызвать, уже думал, как бы от тела избавиться. Я тогда на него с кулаками бросилась. Даже баллончиком в лицо брызнула, когда он бедного ребёнка собирался в багажник засунуть.

После этого сумасшедшего происшествия я твёрдо решила, что Танечку к нам в приют заберу. Долго добивалась разрешения у властей. Но всё-таки победила скотов этих продажных.

* * *

– Настенька, доброе утро! А у нас вот приятность приключилась! – Светлана стояла возле песочницы, пыталась разнять двух дерущихся близнецов – Сашку и Пашку.

– Здорово как! Достучались всё-таки! И кто же это подарков навёз? – я попыталась подтолкнуть Димку к песочнице, к другим ребятишкам, но он снова в кустах спрятался, как обычно, уединившись в любимом месте.

– Ой! Честно, даже и не знаю. Машина вроде приезжала, рано очень, примерно в начале пятого утра. Кто-то коробки с игрушками выгрузил, возле калитки бросил и уехал быстро. К сожалению, не успела рассмотреть впопыхах, – растерянно пожалала плечами няня. – Кстати, там и для вас подарочек имеется. В кабинете.

– Для меня? – я даже рот от удивления приоткрыла.

– Да, для вас! Вы же Анастасия? – хохотнула Светка, легонько треснув по попке Сашку за то, что тот укусил Пашку.

Через секунду я уже стояла в кабинете и широко распахнутыми глазами смотрела на огромный букет из ароматных лилий.

Подошла, понюхала, сама не заметила, как улыбнулась.

А на упаковке записку нашла: «Для Анастасии».

Взяла эту маленькую карточку в руки и тут же ощутила до головокружения знакомый аромат имбиря. Невероятно! Неужели это ОН всё устроил. Неужели букет – это символ извинений?

Как ненормальная я закружилась вокруг стола, прижимая к груди записку, вдыхая запах цветов.

Одумайся, Настя. Одумайся! Ты сошла с ума!

У тебя ведь муж всё-таки имеется, и сын, между прочим. А ты на других засматриваешься. Может, Андрей одумается. Я ведь дала ему шанс. А он... он обещал исправиться. Просто период у нас такой, трудный. Подождать надо. Ещё немного.

Подумав об этом, я опустила руки, вновь погрузившись в привычное понурое состояние. Ладно, хватит парить в розовых облаках. Пора на работу. Иначе завтра уже точно кушать нечего будет. Бросив записку в урну, я побрела обратно к машине.

Я закончила смену в семь вечера, потом сразу же поехала за сыном. Устала сегодня, как собака. Много товара приехало. Сначала полдня на кассе проторчала, слушая недовольные бурчания пенсионеров, а потом ещё и склад до конца рабочего дня разгребала, обновляя товар на полках. Надеюсь, Андрей тоже так, как и я, упахался на своей новой работе. Он ведь говорил, что с выкрутасами, касательно своего бизнеса, завязал и на нормальную работу устроился. Ну что же, буду свято надеяться!

«Ну и надейся, – огрызнулся внутренний голос. – Наркоманы ведь не излечиваются за пять минут. А твой Андрейка явный наркоман. Только не на порошок у него в мозгах закипает, а мысли об очередной глупой идее.»

Ладно, когда вернусь домой, поговорю с ним. По душам. Серьёзно. Надеюсь, поймёт. Это будет последний шанс. Сто процентов. Намекну хоть, что мне вон какие обеспеченные мужчины дарят цветы, в переулках защищают, и ребёнка чужого кормят да продукты просто так покупают. Мне! Девушке замужней! А он... а ему хоть бы что. Не поинтересовался даже о моём самочувствии после нападения.

А Алексей... Господи! Даже укол не побоялся сделать. Не мужчина, а самая настоящая мечта. Красивый, смелый, богатый. За ним точно, как за каменной стеной. Никто обидеть не посмеет. Всегда сыта, красиво одета, обеспечена... СТОП! С чего это вдруг я решила, что я этому Алексею интересна как женщина? Один веник ещё ничего не значит. Извинился просто, когда узнал, что жизнь моя как дерьмо. И что диабетчица я проклятая. Сжалился. Милостыню подал. Вот и всё. А сам к более красивой девке ускакал. Почему-то не сомневаюсь, что у такого полный грузовик баб следом стелется. На любой вкус и цвет.

Я настолько сильно погрязла в мыслях, что чуть было не вылетела в кювет. Машина резко подпрыгнула, я еле-еле на удержала управление. Вырулила. Слава богу! Надо поменьше о Звереве думать. Только злиться начинаю. Больше не на него, а на себя, кажется. За то, что начинаю влюбляться. Как вспомню его нежные руки на своём животе, когда укол делал – будто в пропасть срываюсь и падаю, падаю, падаю... так долго, что аж дух захватывает, а внизу живота просыпается миллиард бабочек.

Нежный он очень. Красивый. Я таких только в журналах видела, ну или по телевизору, когда смотрела любимые сериалы про гангстеров. Вот он точно как актёр. Сильный, властный, бесстрашный... С тонной каменных мышц и пушкой за пазухой. Да. Кажется, я и вправду видела у него пистолет. Но тогда меня мало это интересовало. Из-за слабости и обморока.

Я очень удивилась, что Алексей настолько оказался таким дружелюбным. Не сбежал. С сыном нянчился. Ещё и врача вызвал. Я отказывалась, но он и слушать не стал. Всё-таки первое впечатление оказалось ошибочным. Молодец он. Мужик настоящий! Гордость за таких берёт! Вот только не мой он... Поэтому и гордиться-то нечем. А ещё я удивилась, когда поняла, что Димка к нему начал относиться как к родному. Понимаю, что мультики и шоколадка – это святое. Но всё же... Чужих он боится. А тут, не иначе как отца в нём признал. Димка же мой особенный ребёнок. Неразговорчивый. Сколько не пыталась вылечить – всё без толку. А потом деньги закончились. Да и уколы эти уже осточертели! Никакого результата. Только аллергия жуткая. Решила своими силами пробовать. С детьми сводить, разговаривать больше, читать, песни петь. Но пока всё по-старому. Вообще, я деньги собираю. На крутой реабилитационный комплекс для детишек за границей. Надеюсь, вырвусь и с Божьей помощью сыночку туда отвезу. Там врачи – профессионалы, уж точно что-нибудь придумают.

* * *

Я добралась до села с закатом. Опять забыла поесть. Уже на подъезде к приюту почувствовала знакомое головокружение и тремор в руках. Конфету съела. В сумке нашла. Сердце

болезненно сжалось в груди, когда я возле нашего дома увидела два огромных тонированных джипа.

Ох! Алексей, что ли, снова? Но он ведь нам дал неделю до выселения. Тогда кто же это? Что-то подсказывало, что не Алексей это вовсе. У калитки меня встретила обеспокоена нянечка и сразу же потащила в дом:

– Настюшечка, милая! Там мужчины какие-то приехали, тебя ждут. Страшные такие, внешность бандитская. В строгих костюмах Огромные, как медведи! И рожи у некоторых неприятные. Всё хозяйку требуют. По поводу земли говорят.

От страха я чуть было не споткнулась о ступеньку и кубарем обратно на дорожку не вылетела. Земля. Опять земля! Твари жадные. Не получают! Завтра в суд поеду. Пусть только попробуют отобрать!

– Хорошо, Светочка, сейчас разберёмся, – сказала я совершенно спокойным тоном, а у самой живот в морской узел скрутило.

– Смелая вы девушка, я б не рискнула к ним в одиночку ближе, чем на километр соваться. Но если что, вы кричите, у меня ружьё в кладовке спрятано. Да и сторож наш тут рядом с собаками гуляет. Я на кухне буду. Полицию вызову, только крикните!

– Спасибо. Ты не переживай. Улажу всё, – соврала я, на ходу читая молитву. – А где дети?

– Спать уложила. И Димочку, кстати, тоже. Вы когда уезжать будете, помогу перенести. А лучше тут оставайтесь. Завтра ведь выходные, – с надеждой выдохнула женщина.

– Хорошо, посмотрим.

– И да, – жалобно добавила. – У нас уже продукты заканчиваются. И некоторые лекарства.

– Ясно. Зарплату дадут в понедельник. Я уже отложила. А государственные будут через неделю.

– Хорошо. Думаю, дотянем, – Светлана печально улыбнулась и направилась в сторону кухни, а я на негнущихся ногах зашагала к кабинету. И... обомлела. Пространство небольшой прихожей было захвачено терминаторами-переростками в кожаных куртках с наглыми мордами, спрятанными под солнцезащитными очками. При виде меня все они, будто по команде, резко встрепенулись и за пазуху потянули ручища. Видимо, за пистолетами.

– Вы кто такие? – с порога выдавила.

Ничего не ответили. Дверь в кабинет открыли, жестом кивнули, «мол, проходи давай, ждут тебя».

Мысленно выругавшись, я вошла в свой кабинет. А там, вальяжно растянувшись на МОЁМ кресле, на МОЁМ рабочем месте восседал незнакомый мужчина, деловито покуривая сигару. Он с кем-то увлеченно болтал по телефону.

Высокий. Симпатичный. На вид лет сорок – сорок пять. Широкоплечий. Волосы иссиня-чёрные, с лёгкой сединой. Глаза – жуткие какие-то, странные. Как у волка дикого, цвета темного янтаря. На лице – лёгкая щетина, а руки сплошь усыпаны драгоценными перстнями. Одет в красивый костюм с чёрной жилеткой и тёмно-синей рубашкой, заправленной в стильные брюки.

Не понравился он мне. Явно ведь бандюган самый настоящий. Кличка Зверь, кстати, ему здорово подходит.

Когда незнакомец меня увидел, на секунду застыл. Даже сигару выронил, которая упала на документы и начала дымиться. Негодяй! Так и дом спалить можно! Наверно, он только этого и добивается.

– У вас упало, – холодно отрезала я, пройдя вперёд. Сумочку бросила на стол, а сама присела на свободный стул. Как странно... но почему-то сейчас прежний страх куда-то испарился. Наверно, злость вверх взяла. Достали уже! Хамское отродье.

– Я перезвоню, – его голос, как холодная сталь, рассек окружающее пространство, отчего по спине пронеслась противная волна дрожи. – Доброго вечера, мадам. Неужели вы и есть та

самая Анастасия Малышкина? Хозяйка сей дивной усадьбы? – на последнем слове его дикие глаза лукаво заблестели.

Издевается, мерзавец.

– Да, это я. А вы кто?

– Я – Константин Зверев. Догадались уже, наверно? – прищурился, сигару подобрал, и снова в пасть сунул. Вблизи он казался ещё более опасным. Но достаточно красивым. И красота его заключалась в некой брутальности. – К вам тут на днях мой отпрыск забегал, волю мою передал?

В свинарнике я твою волю видела!

– Да, передал, – я не могла долго смотреть ему в лицо. Эти жёлтые глаза обжигали необузданным пламенем.

– И что? – бандит нахмурился. – Подпишите? – в его властных руках блеснула золотая ручка.

Уже? А как же неделя?

– Алексей ведь сказал, у меня ещё есть неделя.

– То, что Алексей сказал – забудьте. Сейчас я здесь главный. Всегда был и всегда им буду.

Клянусь, из его пасти вырвался гортанный рык.

– Я даже не знаю... – нервно заёрзала на стуле. – Может, есть ещё какой-нибудь вариант?

– Вариантов больше нет. Мне нужна эта земля. И точка. Соглашайтесь. Соглашайтесь, пока я добрый. А если глупить вздумаете, даже ваши красивые глаза вам не помогут, – мужчина оскалился в хищной ухмылке, продолжая пихать мне в руки ручку свою казённую. – Лучше согласитесь на миллион. Поверьте, для такой дыры это весьма выгодное предложение.

Вот и всё. Последние слова меня явно разозлили.

Я не выдержала. Вскрикнула:

– Вот именно! Для такой дыры! Зачем вам вообще понадобилась земля в этих краях? Гиблое место. Даже мобильная сеть не везде ловит. А ближайший магазин в часе езды.

– А вот это уже не ваше дело, – с явной сдержанностью прошипел сквозь стиснутые зубы. – Что ж, если мои условия вас не устраивают и вам не нужны деньги, то и недели не пройдёт, как вас и ваших отпрысков просто выставят на улицу без единого гроша.

Да как он смеет!

– Не имеете права! – отчаянно вскрикнула. – Дом приватизирован! Всё законно. Завтра в администрацию на вас заявлю! В самом деле! Ну что это такое? Что за наглость?

Когда я возмущалась, размахивая руками, его лицо каменело на моих глазах, искажаясь злобой. Кулаки сжали ручку до хруста, на лбу выступили морщины, а брови сошлись в единую линию.

Похоже, своими угрозами я только что себе вырыла могилу. Точнее, не только себе. Ещё и ни в чём неповинным детям.

– Ох, милочка, уж поверьте, для меня нет ничего невозможного. Взятка там, где нужно, и дело с концами. Дешевле, кстати, обойдется.

Подонки!

Он хрипло выдохнул, оценил мою реакцию, и продолжил плевать угрозами:

– Ну а если возникнут трудности, у меня всегда имеется запасной вариант. Надавить, дернуть за нужную верёвочку – проще простого. У вас ведь сынишка имеется, так-с ведь? А что, если он однажды домой не вернётся? Или что, если в вашем детском доме, не дай бог вдруг, пожар случится?

Сволочь! Мразь бездушная! Да что б ты удавился этой землёй поганой! Надеюсь, очень скоро она станет для тебя вечной могилой.

– Даже если я продам вам участок, мне не хватит тех денег для открытия нового приюта, – я держалась из последних сил, пыталась хоть как-то выкрутиться.

– Арендуйте, – простой и пофигистичный ответ.

Ну как он не понимает! Дом – моя память. Память об отце. Будет очень сложно найти новое место. С недорогой арендой, в экологически чистом районе, вдали от повседневного хаоса.

– Чёрт. Пожалуйста. Не надо так, – я едва не упала перед бандитом на колени. Больше ничего не оставалось. Нет сил. Я беспомощная. Я обречена. Бесполезно. Толстокожий кусок стали.

Неожиданно глаза бандюгана подозрительно заблестели, но перед этим пробежались по моей бурно вздымающейся груди.

– Знаете, Анастасия Николаевна, а ведь я могу предложить вам ещё один вариант. Работу, например. Вам уж точно на первое время на аренду хватит. Ещё и на игрушки для ваших сироток останется. А со временем – новое здание состроят. Современное, в более цивилизованном месте.

Тварь. Я даже ни капли не сомневалась, на какую именно работу намекнул старый козел. Шлюхой. Он предложил мне стать его грязной шлюхой.

– Что за работа? – на всякий случай я решила уточнить.

– Секретарь. Знаете, я всегда мечтал увидеть столь юную и столь прекрасную женщину в облике своего секретаря. Человек я весьма занятой. А работа у меня ну о-о-очень напряжённая... – он широко развёл ноги в стороны и игриво потеребил галстук в области шеи. В его звериных глазах блеснуло гадкое вождление. – Соглашайтесь. Признаюсь, вы первая, с кем я так долго цацкаюсь и иду навстречу.

– Нет уж, спасибо, – решительно отрезала.

– Не спешите отказываться. Подумайте. Вот моя визитка.

Плевать. Не пропадём. Лучше переедем, чем я под эту мразь подстилкой дешёвой лягу!

Делаю глубокий вдох, а на выдохе решительно озвучиваю ответ:

– Так уж и быть. Я забираю эти деньги. Где расписаться?

– Здесь, – холодно фыркнул, швыряя мне бумаги с ручкой.

Я быстро пробежалась глазами по договору и нехотя мазнула ручкой по бумаге, в графе «подпись».

– Благодарю, – бандит бумаги забрал и тотчас же свой поганый конверт сунул. – Можете не пересчитывать. Там вся сумма.

Затем львиной походкой он выполз из-за стола, к двери направляясь. Я застыла, глядя в одну точку, чувствуя, как вся жизнь пролетает мимо меня. Мои мечты, надежды и стремления.

Всё уничтожено. Всё пропало. А дальше что?

Зверев остановился у двери, грозно рыкнул на прощание:

– И не вздумай обращаться в полицию. У меня везде свои люди имеются. Если узнаю – прирежу нахер. А знаю я про тебя всё. Где живёшь, чем дышишь, что на завтрак жрёшь. Знаю даже, как отпрысков твоих зовут. И какой шоколад твой сын любит. Думаю, намёки понятны? Три дня. Даю тебе ровно три дня. Не свалите – живём замурую.

Всё. Это были последние слова пред началом конца света.

Когда мерзавец ушёл, я обречённо упёрлась лбом в прохладную поверхность стола и горько заплакала.

Глава 6

Алекс

Этим вечером, после того, как я вышел от Насти, я почувствовал себя совершенно другим человеком. С одной стороны – захотелось обнять весь мир, а с другой – рожу кому-нибудь начистить, потому что зол был. И не кому-нибудь, а утырку этому... Андрею!

Сука! Я бы вмазал. Так бы вмазал, что этот гад бы прозрел и научился беречь самое ценное в жизни. Наверно, я завидовал. Завидовал, что не посчастливилось раньше такую восхитительную девушку встретить. Меня будто в космос вышвырнуло, когда я впервые Настю увидел, особенно её изумительные глаза.

Надеюсь, она когда-нибудь одумается и бросит этого несостоявшегося лузера. А я готов. Готов начать серьёзные отношения. Созрел уже. Повзрослел. За секунду. Как только её сладкий голос услышал. Тогда же вмиг о шлюхах своих забыл. Никто больше не нужен. Её хочу. Малышку мою маленькую. Нет, блять! Не мою. Как жаль, что не мою. Так и будет ломать до тех пор, пока не заполучу желанное. Вот спасибо, папочка, удружил! И зачем только на это грёбанное задание послал? Вот ведь...

В общем, когда я ехал домой, понял, что Настя держит приют. Сердце окатило жаром, когда я вдруг вспомнил того мальчонку на руках у полноватой тётки. А ещё игрушки, разбросанные по всему саду, и та фотка детворы, в халупке Насти.

Я закурил, с силой вцепился в руль руками. Вот я мудака! Сам же в приюте вырос... И как только язык дёрнулся оскорбления выплюнуть? Я резко дал по тормозам. Не обращая внимания на сигналы встречных машин, обратно развернулся, пересекая двойную сплошную, и в супермаркет помчался. Накупил игрушек всяких, конфет. Не удержался, цветы купил. Лилии. Надеюсь, понравится. Надеюсь, Настя меня простит и забудет моё идиотское поведение. Я ведь, кстати, своим сараем её клумбу примял. Вот и решил вину загладить, такие же цветы купить. Ещё красивее выбрал. В корзинке, с розовым бантом. Такие нежные, как её кожа, её взгляд. И как руки... Которыми она гладила мои раны.

Только о ней и думаю, маньяк помешанный. Забыться никак не могу. Шлюхи? Нет. Не тянет. Только её хочу. На всё остальное похер.

Педадь до упора втопил и в сторону села рванул. Хотел успеть до рассвета. Пусть лучше всё в тайне останется, не дай бог ещё папик узнает, что охмурить пытаюсь. Он ведь предупреждал, чтобы не заигрывал. Но кто знал, что Анастасия – такой редкий цветочек? Одурманила и всё. Дело с концами. Как жить теперь? Хрен знает.

Подарки с букетом возле калитки бросил, а сам смылся. Надеюсь, мелким понравится. Надеюсь, Насте букет придётся по душе. Уверен, что этот лузер её, который в прошлом году стригся, как и мылся, наверное, никогда не делал таких дорогих подарков. Максимум какой-нибудь дешёвый шампунь на восьмое марта, за двадцать рублей приволок.

Я ещё немного покатался по городу, а затем двинулся домой.

Выпил немного, расслабился, вздремнул. Проснулся ближе к обеду от громкого рингтона мобильного телефона. Батя звонил. Пять пропущенных. К себе на ковер вызывает.

Бляха! Вот и думай, как оправдываться. Так и не получил согласие Малышки. Ну и что теперь делать? Не смогу, блять. Не смогу больше ни на ноту голос в её честь повысвить. Пусть сам разбирается. Я к ней ближе, чем на километр больше не сунусь. Иначе сорвусь, как волк дикий. И плевать на всё! Украду девку, а Андрею этому морду до мяса начищу. Так, что даже родная мать не узнает.

– Ты где шляешься, щенок?! По шлюхам, небось?

Не успел я было в кабинет сунуться – моментально оглох.

– Занят был. Дела решал, – соврал, плюхнувшись в кресло напротив дивана с мерзкими пираньями.

– Опять бухаешь да девок напяливаешь? Такие ты дела решаешь? – Зверев сегодня явно был не в духе. По срокам строительство объекта изрядно затягивалось. Уже через месяц должны явиться первые клиенты на пробу товара. Вот и бесится, пёс старый.

Молчу. Знаю, что лучше не будить зверя хищного... Иначе влетит.

– Ты с Малышкиной разобрался? – этот вопрос словно ножом в сердце воткнулся.

– Да, – чуть слышно ответил, наблюдая за тем, как отец подошёл ближе к аквариуму. И снова какой-то кусок плоти питомцам своим швырнул. Меня едва не затошнило. Будто член отрубленный увидел. Нарочно он так делает. Запугивает. Хотя я ему словно родной, но всё равно в узде держит. Как верного пса.

– Ну и что? Где бумажки? – пальцем стучит по стеклу аквариума, наслаждаясь кровавым зрелищем. С десяток зубастых тварей за секунду сжирают «лакомство». По-любому кто-то из должников накосячил.

– Через неделю будут, – сухо мямлю.

– Ты что, блять, серьезно? Через неделю? Какую, нахер, неделю? Мне завтра нужно! – рычит, его лицо искажается гневом. Ну что ты за идиот такой? Не мог с бабой справиться? Пригрозить, или надавить там, где нужно? По-любому ведь к ментярам сунется жалобу катать! Предупредил хоть, чтобы не рыпалась?

Молчу. Твою ж мать! Нет. Язык словно в камень превратился.

Не смог я. Не смог! Ясно? Жаль её. И так жизнь не сахар, а тут мы ещё, изверги проклятые, со своими угрозами нарисовались.

Пиздец. Влюбился, походу... До полоумия втрескался!

– Бестолочь безмозглая! Всё самому делать приходится. Понимаешь, нам не нужны скандалы. Тем более, если клоповник этот ещё с государством связан. Мы не должны привлекать лишнего внимания. Иначе... Иначе погоны начнут копать. А нам это ни к чему. Сечёшь, сына?

– Слишком гордая, – всё, что могу вымолвить.

– Идиот ты! Мог бы хоть раз мозгами подумать, а не членом?

– Не смог я. Если увидишь её... сам всё поймёшь.

– Ты это... бред не болтай. Увижу и по стенке размажу, если не согласится сарай свой с моих земель убрать! – отец пригрозил кулаком, нервно пригладил волосы на затылке, метая в меня огненные стрелы ярости. – Значит так, сам всё улажу. Но чтобы подобный косяк от тебя я видел в первый и последний раз. Усёк?

Кивнул. А сам кулаки до боли сжал.

– Не забудь, кто тебя из дерьма вытащил и в человека превратил.

С этими словами он вытащил пушку из верхнего ящика рабочего стола, сунул за пояс брюк, схватил пиджак со стула и быстро засеменял к выходу.

Вот дьявол проклятый! Надеюсь, Настя не пострадает.

Ведь её жизнь стоит куда больше приюта.

* * *

Целый день я не мог найти себе места. Туда-сюда шлялся, словно заведённый. Будто с минуты на минуту ожидалась стрела. А всё из-за Малышкиной. Не знаю, о чём они там с отцом договорились. Наверно, Настя подпишет бумаги.

Всё, капец. Думаю о ней как о родной. Ну и кто она мне? Даже не друг. А девушка лишь в мечтах моих гребаных. Пора бы забыть. Не пара я ей. Она другому принадлежит. Окольцована и ребёнком привязана. А мне бы пора отвлечься и развлечься как следует, иначе. Хватит о ней думать, Зверь. Всё. Точка! Уплыл пароход, уехал поезд, разбился самолёт нахрен. Съедет

через пару дней с земли нашей, ибо выбора у неё нет. А меня после этого инцидента снова возненавидит. Я ведь сын своего отца – бездушный мафиози. Пусть хоть приемыш, но воспитан по его уставу.

Я психанул и в клуб рванул. До самого утра тёлочек натягивал. Вот только в бес толку. Перед глазами всё время это кукольное личико маячит и длинные, ароматные волосы. Даже спускать ни в кого не хотелось. Все бабы стали какими-то не такими. Шлюхи мерзкие и подстилки драные. Сколько же до меня в их грязных дырках побывало мужиков? Гадко стало. Тошно. Сбрендил, наверно, но это так! Даже и трахать их перехотелось. Ни Снежану, ни Вику, ни Сюзанну. Только Настины губы везде мерещились. Сочные, алые, натуральные. На вид как клубника. У этих же курв тело – сплошной силикон. Грязное, потасканное. Даже дотрагиваться мерзко.

Всегда ведь нравились, а тут вдруг... Как будто сломался! Я сломался, и член мой перестал работать. Около часа в Снежану долбился. Но так и не кончил. Не то всё. Заебали они! Вышвырнул нахер всех. Нажрался в хлам. И домой поехал.

Я редко садился пьяным за руль. Но делать нечего. Разозлился, не получилось выпустить пар. А член так и остался стоять твёрдым копьём, болезненно пульсируя в штанах. Настю хотел. И никого больше! Я уж подумал всё, кранты мне настали на молодость лет. Даже у отца, и у того до сих пор напором всё хлещет. Знаю. Девочки в клубе сплетничали. Тоже бывает, к ним забегает, извращенец старый. А я вот, импотентом теперь себя чувствую.

Разозлился! По рулю несколько раз кулаками треснул, отчего тачку резко в бок крутануло. Удержал руль. Не съехал с трассы. Музон на всю катушку врубил и давай по лужам рассекать, чтобы хоть как-то отвлечься. Светало. Ударил ливень. Тачку шатало из стороны в сторону, когда я гасал по кочкам на бешеной скорости, а мощная стена из дождя лупила по лобовому стеклу и бурным водопадом стекала на капот.

Как вдруг... Я увидел кое-что странное. Человек, что ли? Или два? Пока не знаю. Какие-то размытые силуэты неподвижно лежат под деревом. Я подумал, мол это мусор? Но, присмотревшись, увидел ребенка. Точно! Ребёнок! А рядом... рядом женщина лежит. Прямо на земле. Не двигается. Твою ж мать! Я, когда с ними поравнялся, едва не сдох от разрыва сердца.

НАСТЯ. Дерьмо! Это точно Настя! И пацан её рядом.

Я практически на ходу выскочил из тачки, даже про ручник забыл. Благо хоть дорога была прямой. Стиснул зубы до хруста в челюстях и быстро рванул к девчонке. Какого чёрта тут творится? Что она здесь делает? Мальчишка её рядом сидит. Маленькими ручками маму обнимает, дрожит весь, как котёнок. Мокрый, выброшенный на помойку зверёныш. И плачет, плачет, плачет... А ещё мычит что-то невнятное. Но она не двигается.

Бляяаять! Даже не знаю, дышит ли?

Рядом в грязь на колени упал. Лицо потрогал. Холодная.

Пульс прощупал. Есть. Но слабый очень.

Глава 7

Настя

Через два часа я уже была дома. Вот тебе и начало выходных! Теперь вместо того, чтобы отправиться с детьми в лес, придётся искать новый дом. За три чёртовых дня! По причине угроз мне придется держать рот на замке. Я искренне надеюсь, что таким тварям вся их грязь вернётся к ним обратным бумерангом.

Делать нечего. Я взяла Димку за руку и поспешила домой. Нянечку, естественно, предупредила. Светлана расстроилась. До слёз. Чувствую, попросаемся мы с приютом. Детей жаль. По очередным алкоголикам распихают, чтобы статистику не портить в середине года.

Когда мы с Димкой переступили порог квартиры, Андрей был уже дома. Не встретил меня. Обидно. Просто я до него не дозвонилась. Может, не слышал. А может, уже и телефон заложил. Неудивительно. Но даже несмотря на это, в душе ещё теплился лучик надежды. Я остро нуждалась в поддержке. Сейчас мы с ним вместе сядем за стол и всё обсудим. Как раньше. В былые времена.

Пока сынок играл с новой игрушкой, подаренной тем загадочным незнакомцем, я поспешила к мужу. Вошла в гостиную, с грустью призналась:

– Андрей, я приют продала.

Я ожидала поддержки, сочувствия, или хотя бы удивления, но вместо этого услышала лишь явное злорадство.

– Наконец-то, – муж подпрыгнул едва ли не до потолка от радости на заплёванном семечками диване. И даже от ноутбука оторвался. – А я давно говорил, избавляться от этого дерьма надо. Какая нам выгода? Траты сплошные и никакого результата. Солнце, ты ж не мать Тереза, а я не депутат, чтобы маяться благотворительностью. Бабки рубить надо! Бизнес открывать! А не хернёй страдать!

Он был пьян. Как обычно, бухал за компьютером, разрабатывая очередные чёрные схемы. Что-то в последнее время Андрей подсел на спиртное. Ещё и курить начал в три раза чаще. Нехорошо всё это. Больно смотреть, как тот, кого я любила всем своим сердцем столько лет, спивается на глазах.

– Не говори так, Андрюша... – рядом на диване присела, отчаянно качнув головой.

– А что? Правда глаза колет? Зачем ты вообще этим занимаешься? Не твоё это дело. Ты вообще у меня самая красивая. По тебе шоу-бизнес плачет.

Бизнес, бизнес, бизнес! Опять этот проклятый бизнес! Он бы меня ещё в стрип-бар засунул в качестве дешевой проститутки, если бы я ничем по жизни не занималась, а он – стал бы хозяином этого клуба. Ну а что, Андрей ведь всегда выгоду ищет. Не удивлюсь.

– Кстати, а как тебе идея клуб открыть?

Аллилуйя! Что и следовало ожидать.

– И мне что, танцовщицей пойти? – решила подыграть.

А он, похоже, так и не понял шутку. Глазки загорелись, губки растянулись в большой улыбке. Совсем как одержимый псих!

– Вау! Отличная идея! Можешь ведь мыслить правильно? Ух, девочка моя, да мы с тобой такую темку крутую замутим. Все знакомые от зависти охренеют, когда узнают!

– Да прекрати ты. Правда. Нам бы из долгов вылезти, – отмахнулась я, выслушивая очередные бредни.

Каждый раз одно и то же. Одно и то же. Достало!

– Да всё будет супер-пупер! Я тебе отвечаю! У меня тут идея одна на уме вертится. Сто пудово пойдёт. Я уже пробил вопрос. Сколько ты там за землю получила?

– Миллион, – Холодно ответила, прикрыв глаза от бессилия.

– Круто! Ты ж моя сладкая, – Андрей вскочил с дивана, подхватил меня на руки, закружил в объятиях. – Теперь уже точно всё наладиться. Умница моя, – в щёку чмокнул.

– Короче, я сейчас по делам сгоняю. Дождись меня, милая. А на обратном пути шапму-сика куплю, отметим! – выпалил как скороговорку на одном дыхании и быстро выскользнул в подъезд.

– Нет, постой! Эти день...

Но договорить я не успела. Андрей как призрак, растворился в пространстве. Я хотела сказать, что эти деньги я отложила на аренду нового помещения, но ему, кажется, было наплевать.

Уставшая, я побрела на кухню, чтобы покормить сына, а затем положить его спать. Дышалось дома тяжело. Кругом грязь и мусор. Запахи как на свалке. Смердит так, будто кошка под диваном сдохла. Пришлось форточки везде открыть. В затхлом воздухе туманом клубился дым от сигарет, на полу разбросаны шкурки от семечек, в каждом углу натканы пивные бутылки. Андрей, видимо, расслабился, опять смотрел футбол с друзьями. Когда мне и нашему сыну угрожали.

Неужели сложно соблюдать чистоту в доме? Просто взять, сделать два шага в сторону кухни и выбросить мусор в мусорное ведро? Как обычно, на кухне гора невымытой посуды, а в холодильнике – повесилась мышь. С ужасом я отметила, что мне даже нечем накормить. А ведь только вчера Алексей до отвала забил наш холодильник продуктами. Сегодня – пусто. Дружки Андрея сожрали все до крошки. Сволочи! Даже ребёнку молока не оставили. Пришлось к соседке за овсянкой бежать. Спасибо, что есть такие добрые люди в округе. Маришка, например. Друг другу помогаем, чем можем. У неё муж тоже с приветом. Пьёт ещё правда похлеще моего. Как слон, чуть ли не до белой горячки. А она, бедная, близняшек одна на себе тянет. Гад пригрозил, что если она потребует развод – мигом детей отберёт, а её на улицу вышвырнет. Она ведь сирота. Без родственников и жилья. А он – бывший сторож, в приюте работал, в котором её и охмурил да детей, кобелина такая, заделал. Как обычно, наобещал горы золотые, а в итоге подписал на вечное женское рабство. Как и меня, собственно, мой подписал. Но я твёрдо решила, если ещё раз подобная ерунда с долгами случится – я точно уйду. И плевать куда. Ребёнка с собой заберу. Всё равно отцу он не нужен.

Когда я положила Димку спать, случайно на что-то липкое наступила. Гандон использованный. Под диваном валялся. Тёпленький ещё...

Обалдеть просто! Так, значит! Втихаря... Когда я пашу как проклятая с утра до вечера, от бандюков отбиваюсь, он... он тут со шлюхами всюю развлекается?

Всё. Это конечная остановка... Приехали. Завтра подаю на развод. Терпела, сколько могла. Но у меня, увы, как у любого другого живого человека, тоже есть чувства. И они не железные.

* * *

Он вернулся в половине первого ночи. Ввалился в квартиру пьяный, неадекватный и принялся на ночь глядя копошиться в моей сумке, своей возней чуть было не разбудил ребёнка.

– Где они, Настя?! – зарычал, еле-еле двигая языком.

– Кто? – я вышла из комнаты, заодно и дверь прикрыла. Меня охватило нехорошее предчувствие. Сорвусь сейчас, всё выскажу. Вот только при ребёнке не хотелось. Сдерживалась всегда. И так малыш страдает, потому что отец у него оказался дебилом, который даже и пяти минут сыну уделить не может.

– Бабки где? – настойчивей зашипел.

– Прекрати, ты пьян! – я попыталась утихомирить скотину подвыпившую, когда он начал рыться в моих вещах. Только сейчас я поняла, что совершила ошибку. Я так сильно устала с уборкой, что забыла о самом главном – понадежней перепрятать деньги от невменяемого.

– В банк положила, – уверенно соврала я.

– С ума сошла? Ну тогда в банк поехали, немедленно! – за руку меня хватает, в сторону выхода тянет.

– Андрей, прекрати, ты меня пугаешь! Какой банк? Начало второго! Успокойся! Иди отоспись! – я попыталась вырваться из крепкой хватки, но тщетно. К двери потащил. Прямо в ночной рубашке. Босиком.

– Отстань! У меня через полчаса состоится важная сделка! Я уже обо всем договорился, – крикнул. Так злобно, что у меня глаза защипало от подступивших слёз.

Боже, какая же я дура! Я никогда себя не прощу. Как меня только угораздило связаться с таким монстром? Юной была. И глупой. Очень, очень глупой, влюблённой идиоткой.

– О чём? О чём, блин, договорился? Прекрати! Не прошло и часа, а ты уже снова во что-то ввязался? Только от коллекторов откупились! Забыл, что ли, как недавно со сломанным носом домой пришёл? Как я тебе раны промывала и с ложечки отпаивала? Напомнить? Мало тебе было?

Но он словно не слушал. Находился на своей волне.

– Я клуб купил. Очень выгодно! Тот самый, с девками неоновыми на вывеске... «Рай» называется. Если сегодня заплачу – то мне скидку сделают. За миллион отдадут.

Баран! Ненормальный! Какая такая акция? Это тебе что, хлеб? По акции?

Я выхватила из его рук свою сумку, резко дёрнула на себя. И он в ответ дёрнул. Нечто белое в шершавой упаковке выпало из сумки и шлёпнулось на прогнивший пол.

Всё. Это конец.

– Лгунья! Не доверяешь мне? – его руки рефлекторно сомкнулись на моей шее.

– Перестань, ты пьян. Одумайся, – по щекам бурным потоком хлынули слёзы, лёгкие превратились в камень. – Сына разбудишь.

– Не лезь в мои дела, поняла?! Бесит... Потом спасибо скажешь, когда я тебя на «Мерсе» в норковой шубе возить буду! – Андрей грубо меня встряхнул. Затошнило.

– Разве мне это надо? – тихонько шепнула. – Нет. Мне ты нужен! А Димке нашему – папа, а не бизнесмен... неудачник.

Чёрт. Зря я это сказала.

Шлепок. Лицо обожгло огнём.

Он ударил меня. Сильно. Прямо по лицу.

– Дрянь. Ничтожество. Да кому ты нужна? Если бы не я... Кто бы тебя взял такую! Порченую... Сироту немощную! Сама виновата, что залетела. Нужно было аборт делать. Зря подруг тогда не послушала.

Больно. Как же мне больно! Не потому, что на горле уже гематомы от криков, потому что в душу наплевал, а слезами моими... умылся.

– Я с тобой, если честно, только из-за денег был. И плевать на всё. И на ребёнка тоже. Я ещё не готов быть отцом. Денег у меня нет. Как заработаю, тогда и буду нормально малым заниматься. Игрушки там всякие дарить, на рыбалку и на кружки водить. Я вообще-то Ленку любил. Подружку твою. Но её родители работали водителями троллейбуса. И не они, к сожалению, выиграли в лотерею. Да и задница у неё лучше, чем у некоторых будет.

– Мразь!

Ещё один удар. Теперь уже я ударила. Но мой удар разозлил гниду ещё больше. А когда я всеми силами вцепилась в конверт, намереваясь забрать МОИ последние деньги, он снова меня ударил. Но уже намного сильнее. Кулаком. Так, что я полетела назад и врезалась спиной в зеркало.

Треск стекла. Шум в ушах. Боль во всём теле... – всё, что в итоге я обрела за пять лет, бок о бок прожив с мужчиной, который сначала меня оскорбил, затем ограбил, и в завершение избил.

Зажав рот дрожащими ладошками, я вскрикнула. Испугалась.

Больно. Везде. Особенно в груди. Я на время лишилась дара речи, не могла говорить. Лишь мычала, глядя на то, как входная дверь со скрипом бьётся о косяк.

Ушёл. Сбежал, как самый настоящий ублюдок, оставив меня одну. Раненую, разбитую, зарёванную... в куче острых осколков, окроплённых собственной кровью.

* * *

Оглянулась, а зеркало разбито в крошку. Дрожащими руками дотронулась до спины – жутко запекло. По плечу провела и на ладонь глянула – в крови вся. Меня затошнило. Ненавижу кровь.

Услышав плачь, я вздрогнула. Димочка проснулся. Быстро вытерла слёзы, вымыла руки и, дождавшись рассвета, собрала всё самое необходимое в дорожную сумку, взяла испуганного Димку на руки и выскочила на улицу.

Пока будем жить в приюте. Но как долго? У нас ведь неделя всего... А деньги? Боже милый! Деньги он украл.

Сволочь! Ненавижу... Презираю! Тварь! Что же теперь делать?

Попробую продать квартиру, чтобы хватило на аренду. Однозначно придётся разводиться. Квартира 50 на 50 по долям числится. Так, или иначе, но этот сарай меня не спасёт.

Меня, Димку и ещё двенадцать обездоленных малышей. Теперь я поняла, почему у ребёнка психологическая травма, и почему он до сих пор молчит. Из-за Андрея, видимо. Потому что ударил меня. Правда, было это давно. Года два назад. Он тогда впервые руку на меня поднять осмелился. Напился, отобрал у меня всю зарплату, пустил на очередную ерунду, мол для бизнеса.

Ребёнок подсмотрел. Я думала, Димочка уснул, а он всё видел. Видел, как его мудака-отец одним сильным ударом губу мне рассёк. А потом ещё и за волосы хорошенько потряхнул. После побоев я уже тогда собралась бежать в ЗАГС бежать, но он, отлежавшись после похмелья, в ноги мне упал, о прощении молить начал, на жалость давил. Я, как обычно, простила. Ну подумаешь, с кем не бывает! Погорячился. На взводе был. Его ведь коллекторы тогда давили.

После этого случая Дима перестал к подходить отцу. Убегал постоянно. Других мужчин побаивался. Как и детей, в принципе. Плакал ещё часто. Только меня признавал.

А я дура! Дура безмозглая, ослеплённая школьной любовью! Столько раз прощала, и все заново повторялось. А он мне клялся. Клялся, что исправится, пить бросит и на нормальную работу устроится. Я же, идиотка, верила. Потому что любила. Но теперь поняла, что, оказывается, любила по привычке. А когда мы с ним расписались, Андрей переродился в сущего нелюдя, открыв мне свою истинную сущность. Но уже было поздно что-то менять. Сын родился. А я осталась совершенно одна. Отец умер. Через четыре месяца после свадьбы. Не знаю, как я выдержала весь этот ад. Едва Димки не лишилась. На сохранении три недели лежала.

Небо затянулось черными тучами, а в воздухе ощущалась прохлада. Я бросила вещи в багажник, Димку положила в салоне – пусть поспит ещё немного. Бедненький. Почему дети больше всех страдают, когда родители ссорятся? Ах, если бы можно было время назад отмотать... я бы всё исправила.

До приюта оставалось меньше двадцати минут езды. Наша ржавая рухлядь неожиданно сломалась.

– Дьявол! – я покрутила ключ в зажигании, но тщетно. Сдохла моя старушка. Давно уже пора пора. Как обычно, я до самого момента тянула с ремонтом, откладывая на потом важное дело. Вот и дотянула. Так и бросила машину посреди дороги. Времени ждать эвакуатор не было, да и денег, конечно же, тоже, пришлось тащиться своим ходом. Маршрутка подошла через двадцать минут. Но мы сели не на тот автобус. Он только полпути ехал в нужном направлении, а потом повернул в другое село.

Спина очень болела, как и лицо, и сердце. Со злости я даже раны не обработала, прочь убираться спешила. Димка всё время хныкал. Кушать просил. Но у меня деньги были только на дорогу. Пришлось весь оставшийся путь идти пешком. А это примерно плюс ещё двадцать минут ходу. И как на зло дождь хлынул. Не просто дождь, а ливень с грозой. Я Димку в свой шарф закутала, на руки взяла и пошла вдоль трассы, шлёпая балетками по грязным лужам. А на трассе, как обычно, ни одной машины. Лишь поле гиблое с сухой травой. Ни людей, ни животных, ни деревьев.

Чёрт. А я ведь с вечера ничего не ела. Аппетит на год вперёд пропал, когда я узнала, каким двуличным кретином оказался мой муж. Я подумала об этом как раз в тот момент, когда моя голова дико закружилась.

Нет, только не сейчас! Как же не вовремя...

Ноги подкосились, в глазах потемнело. Даже вскрикнуть не успела... Так и упала посреди дороги, потеряв сознание. Потому что поесть забыла. И потому, что укол вовремя не сделала.

Глава 8

Алекс

Одной рукой её подхватил, другой – пацана зарёванного, и к машине помчался, ведь сейчас каждая секунда на счету. Внедорожник под моими руками и ногами грозно заревел, резко с места сорвался, ракетой устремившись в сторону города. В больницу ей нужно. Немедленно!

Сердце колотилось так лихо, словно кросс я пробежал. На выживание причём. Думал, взлетим от такой скорости сумасшедшей. Всё время к ней поворачивался. Пульс трогал, дыхание проверял, по волосам гладил, нащёптывая всевозможные глупые вещи, которые ни капли не помогали.

Блять! А синяк на скуле откуда? И губа в кровь разбита...

Ну твою ж мать! И как это её так угораздило?

Димка на переднем сиденье устроился, а Настю я на заднее положил. Одеялом укрыв. Печку даже на максимум врубил несмотря на то, что на дворе практически лето. Правда, похолодало сегодня страшно, да ещё и этот ливень грёбаный вжарил. Замёрзла она очень, как и пацанёнок. Димас, кстати, как только в машину сел, моментально успокоился. Хныкать перестал, на дорогу всё поглядывал. Вот только молчал. Хотя, судя по всему, ему около четырёх лет было. Стесняется, или напуган. Непонятно. Узнал меня сразу, как только увидел. Не испугался, а наоборот, с надеждой посмотрел. Хороший малый. Глаза такие же добрые, как у мамки. Ростом, правда, невелик, да худющий. И снова захотелось Андрея на куски разорвать. Гнида такая! Не мужик, а дно самое настоящее! Ни ребенка не любит, ни жену свою красавицу. Голодом морит, не бережёт, сука! Если вдруг на глаза ещё хоть раз попадетсЯ, клянусь. Не сдержусь. В отбивную отхуючу.

Через несколько минут я припарковался возле частной клиники. Когда-то там батя с огнестрелом лежал. Хорошая больничка. Перед тем как я с улицы девчонку подобрал, снова укол ей всандалил. Вероятно, она от голода сознание потеряла. Вот только не пойму, что Анастасия одна на трассе делала? Без машины? Ещё и с ребенком. Может, это муж её вышвырнул?

Чёрт! Хватит! Иначе сорвусь, всё брошу и за членом его обратно вернусь. Оторву, сожрать заставлю собственный обрубок. Разумеется, если он у него вообще имеется.

Снова на руки Настю подхватил и в отделение помчался. Как лёд... холодная. А кожа бледная, на вид. Когда я до её спины дотронулся – девочка вздрогнула. Поранилась там, что ли? Только потом я сообразил, что спина у неё в крови вся. Когда на кушетку положил, а сам бумажки заполнять бросился. Руки в крови были... В её, блять крови! Я нахрен всех сейчас порешаю, если ей капельницу через пять секунд не поставят!

Димка всё это время от меня ни на шаг не отходил. Понимает всё. Молодец. Держится. Не ревет больше. За ногу мою ухватился, бежит следом. Врачи тут же навстречу выскочили, на каталку Настю положили, увезли куда-то. Надеюсь, не в реанимацию. А меня пока в регистратуру отправили, дабы объяснить, что к чему.

– Что у вас случилось? – спросила немолодая женщина-администратор с пуделиной причёской на курчавой макушке.

– На улице нашёл. Без сознания, – до сих пор не мог отдышаться. Голова кругом, ноги подкашиваются, а сердце вот-вот и рёбра протаранит.

– Значит, не знаете её?

Пауза. А потом резко, не думая:

– Знаю. Девушка моя. По дороге встретил, когда домой возвращался.

– Понятно. А мальчонка чей? – она бросила короткий взгляд на Димона, который пытался до стойки ресепшна допрыгнуть, чтобы на эту тротилу посмотреть.

– Наш.

Совсем охуел, Зверев? Ты чё несёшь? Замечтался, что ли?

– То есть её. От первого мужа.

– Понятно. Заполните некоторые бумаги, а потом подождите немного. Мальчика можете в детскую пока отвести. Там, кстати, буфет в двух шагах имеется.

– Хорошо. Давайте.

– Девушка ваша болеет чем-нибудь серьёзным? – снова вопрос.

– Диабет у неё, – я тяжело выдохнул, принявшись наспех читать проклятые бумажки, да ни единого слова понять не мог. Всё о Насте думаю.

Затем врач подошёл. Мужичок такой немолодой, с бородкой седой и глазами добрыми. Кивнул, слегка улыбнувшись:

– Ну что, поводов для волнений нет. Капельницу поставили, укольчик сделали, через пару часов оклемается. Не страшно. Вечером домой можно забрать. Вовремя привезли. Пусть отдохнёт, а вы пока можете в буфете чаю попить. Не переживайте, быстро подлечим.

– Ясно, спасибо, – выдохнул я и на стул плюхнулся.

Чуть было сам концы не отдал. Дрянная девчонка! Говорил ведь, чтобы питалась нормально. Чёрт бы... Хрен этот во всём виноват! Андрей, сука! Не уберёт.

Руками волосы пригладил, куртку снял. Душно стало. Адреналин в виски стукнул. Так, что веки мерзко запульсировали. Димка ко мне подошёл. Смотрит так печально, ну всё понимает. Смыслённый крепыш. Молчаливый, правда.

Я улынулся ему, по головке потрепал:

– Всё хорошо с твоей мамкой будет. Не грусти. Ты ведь мужик! Сильный, крепкий. Защитник настоящий! Пойдём лучше по шоколадке ударим?

Пацан улынулся. За руку меня взял. Блин! Ручка у него такая... маленькая, хрупкая. Сразу же детство вспомнилось. А ведь и у меня когда-то такая была. В этот эпический момент я впервые задумался о собственном ребёнке. Сына хочу. Такого же. Только чтобы в жилах моя кровь кипела. А ещё дочку хочу! С такими же яркими глазами как у Анастасии.

Мы с Димкой уединились в буфете. Мне и кусок в горло не лез, а малой всё умял. До крошечки. Голодный такой... И снова чуть было не сорвался. Во всём эта скотина пофигистичная виновата, которая типа мужем Настиним зовется. Определённо!

После обеда мы вернулись в палату. Анастасия спала, под капельницей. Не двигалась. Лишь её красивая грудь ходуном ходила... вверх-вниз, вверх-вниз... раскачивалась плавно, словно гипнотизировала. Димка рядом устроился, на соседней кушетке. Свободная была. Задремал быстро. Но перед этим ещё со слезами на глазах на мать посматривал. Я же напротив Настиной койки приземлился. За руку её взял. Долго держал. До того момента пока не проснулась.

А пока спала, от и до внешность её изучал. Каждую родинку, каждую волосинку жадно рассматривал, пытаюсь на всю жизнь запомнить эти прекрасные черты. Словно больше никогда и не увидимся. Может, это так. Может, лучше мне просто уйти... уйти прямо сейчас. Расплачусь за лечение и свалить нахрен. Не нужен я ей. Слишком опасен. Слишком груб для неё. А она хрупкая очень. Ей принц на белом коне нужен, а не уголовник пожизненный.

Всё бы ничего, вот только снова я на этот уродский синяк на правой скуле с жуткой ненавистью уставился, и на кровь запёкшуюся под разбитой губой. Ударилась, наверно, когда на дороге упала.

«Или муж избил» – шепнуло внутреннее эхо.

СУКА! Пусть она лучше сама ударилась. Если узнаю, что эта скотина плешивая отметину на ней оставила – в бетоне замариную. Не могу... Уже десять раз подряд я к выходу рвался, дабы свалить по-тихому, жизнь ей ещё больше не калечить. Но не смог. Каждый раз уходил, каждый раз возвращался. Ни на секунду оторваться не мог. Словно одурманен. Заразился кра-

сотой её нереальной, как самым настоящим неизлечимым вирусом. Кто же, если не я, за ней присмотрит? У неё ведь, скорей всего, нет никого больше.

Снова я возле Малышки уселся. Засыпать начал. Как раз в тот момент, когда ручка её нежная дёрнулась в моей напряжённой лапище. Я резко подпрыгнул на месте, слегка отстранился.

Слава небесам! Очнулась...

* * *

– Алексей? – с ноткой удивления в голосе прошептала Настя, выпучив на меня свои восхитительные глаза цвета бездонного океана.

– Проснулись? Как самочувствие? – тотчас же руку отдёрнул.

Неловко как-то.

– Нормально вроде. А где я? – её голос дрожал.

– В больнице. Я на трассе вас нашёл. Случайно, – я невольно сжал кулаки. Честно, наклонил бы засранку поперёк кровати и отшлепал бы как следует. За то, что глупая такая. Бесстыжая! Чуть было не погибла там... да ещё и с ребёнком на руках.

– Господи! – кажется, вспомнила. – Димочка! – она резко вскочила с кровати и тут же за голову схватилась.

– Лежите! Нельзя вам пока вставать! Сейчас врач придёт! – руками надавил на плечи, снова укладывая на подушки. – Спит ваш Димка, вон, – я указал на соседнюю койку, – Не волнуйтесь. Покушал и спит как младенец.

Настя облегчённо выдохнула. Расслабилась. На меня взгляд перевела. Сколько же благодарности в нём было... Как же это трогательно. Вот такие моменты, пусть даже мимолётные, стоят того, чтобы попотеть немного.

– Опять вы меня спасли. Так странно... Как будто следили?

– Да что вы! – усмехнулся я. – Судьба, видно, просто. Домой ехал, а тут вы лежите.

Она загрустила. Лишь выдохнула глубже.

Тогда я решил задать самый главный вопрос:

– И что вы там делали? Под проливным дождём, без колёс?

– В посёлок шла. Машина сломалась, – грустно промямлила Настя.

– А позвонить нельзя было?

Надо было ей свой номер оставить. Осёл безмозглый. Да вообще, если честно, зачем он ей? Ненавидит же, небось. Я ведь в её глазах бандит поганый. Землю хочу отобрать. Да ещё и нахамил так, что она наверно век будет помнить моё хамство. А после спасения от гопников просто добренькой притворялась, из вежливости. Потому что я ей продуктов купил, сына накормил и её подлечил.

– Некому было... – и снова эта печаль, от которой сердце на куски рвётся.

– А муж как же?

Она вдруг резко на бок перевернулась. От меня отвернулась... Глаза закрыла, ручки под щекой сложила. Не хочет, видно, говорить об этом. Тяжело ей. На лице всё написано.

– Да ничего. Поссорились просто...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.